

Кир Булычев

Господа гусларцы (сборник)

Кир Булычев
Господа гусярцы (сборник)
Серия «Гусяр», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161314
Кир Булычев. Геній из Гусяра: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 978-5-425-05630-6*

Аннотация

Великий Гусяр... Этот город невозможно найти ни в одном, даже самом подробном географическом атласе, но на карте русской фантастики он выглядит заметнее иных столиц. Кир Булычев с присущим ему неподражаемым юмором, мудрой иронией и язвительным сарказмом поведал нам о нравах и порядках Великого Гусяра, о его жителях и необычайных происшествиях, то и дело приключаящихся с ними. И пусть описываемые события порой выглядят совершенно невероятными, нетрудно заметить, что вымышленный городок отразил в себе многие черты нашей родной действительности. Любимое детище Кира Булычева, «гусярские хроники» создавались на протяжении четырех десятилетий и включают более 100 повестей и рассказов.

Содержание

ЦЕНА КРОКОДИЛА	7
КОСМОГРАФИЯ РЕВНОСТИ	29
ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДА	50
ГОРИЛЛА В БРОНЕЖИЛЕТЕ	77
1	77
2	85
3	93
4	102
5	109
6	113
ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ	114
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Кир Булычев

Господа гуслярцы

Кир Булычев

Господа гусярцы (сборник)

ЦЕНА КРОКОДИЛА

Когда Леве Минцу было шестнадцать, он был худ, лохмат и восторжен. Аллочка Брусилович гуляла его по набережной Москвы-реки. Они шли вечером мимо Кремля, взявшись за руки. По реке плыли редкие льдины. На одной сидела несчастная кошка, и огни с набережной, от гостиницы «Бухарест», отражались в точках ее глаз, превращая их в бриллиантовые крошки. Рука Аллочки была теплой и послушной.

– Бедное животное, – прошептала Аллочка. – Ты мог бы нырнуть, чтобы спасти ее?

– Если бы это была ты, то нырнул, – ответил Левушка, и Аллочка сжала пальчиками его ладонь.

«Как я счастлив, – думал Минц. – Надо запомнить это мгновение. Мы стоим у парапета, на той стороне в гостинице «Бухарест» горят два окна на четвертом этаже, по набережной едет черный «ЗИС», у Аллы Брусилович высокая грудь, хотя об этом нельзя думать. Зато можно думать о том, что крутая черная прядь упала на ухо. Ах, как хочется поцеловать Аллочку в ухо!»

– Ты о чем думаешь? – спросила Алла.

Минцу было неловко признаться в том, что он думает о счастье, завитке над ухом и даже высокой груди Аллочки.

– Интересно, кто в «ЗИСе» проехал? – сказал Минц. –

Может, Сталин?

– Не пугай меня, – прошептала Аллочка Брусилович. У нее был дядя вейсманист-морганист, и они все ждали ареста.

Но Минц все равно был счастлив, никогда еще он не был так счастлив. И никогда больше он не будет так счастлив.

Что такое счастье?

И через полвека Минц сказал себе: «Счастье – это мгновение, суть и ценность которого можно оценить только по прошествии времени.

Но я же отдавал себе отчет в том, что счастлив?

И благополучно забыл об этом, как забыл и об Аллочке Брусилович, которую не узнал бы на улице.

А можно ли вернуть мгновение? Можно ли повторить его? В чем трагедия Фауста? Он искал мгновение, а находил разочарование. Может быть, будучи великим ученым, он понимал, что счастье – лишь сочетание удачно сложившихся колебаний молекул? Или химическая реакция организма на запах собеседницы?

Так какого же черта нам выдали разум, если мы хотим первобытного счастья?

Изобретаешь компьютер и колешь им орехи!»

Но, рассуждая так, Минц не прекращал изобретать соответствующее средство. Потому что он стремился к счастью и, не надеясь на то, что добьется его на пустом месте, пытался восстановить ситуацию, при которой был счастлив.

Для этого следовало заставить мозг заново пережить тот

момент. То есть мозг должен поверить, что этот момент возвратился. Притом не сегодняшний, разочарованный и усталый, не верящий в счастье мозг, а тот, юношеский, смятенный и трепетный.

Такая задача может быть по плечу только очевидному гению.

Удалов и сказал:

– Лев Христофорович, такая задача по плечу только настоящему гению.

На что Минц ответил:

– Тогда именно я ее и решу.

В комнате пахло паленым, еще не рассеялся дым от небольшого взрыва, в реторте шумело.

– Это трудно, – сказал Удалов. – Даже тебе.

Удалов имел право так говорить, он прожил вместе с Минцем в одном доме четверть века. То есть как если бы они встретились в эпоху Павла Первого, а сейчас наступает время восстать декабристам. Или, скажем, Минц въехал в дом № 16 по Пушкинской улице города Великий Гусляр в канун Великой Октябрьской социалистической революции, а сегодня кипит битва в Сталинграде. Ничего себе, исторический промежуток!

– По какому пути идешь, сосед? – спросил Удалов.

– Я решил пойти по пути гипнопедии.

– Конкретнее! – строго сказал Удалов, который не знал, что такое гипнопедия.

– Обучение во сне, – пояснил Минц. – Я тебе предлагаю увидеть сон. Но не просто сон, а сон вещий наоборот.

– Послушай, сосед, ты меня совсем затюкал. Сон вещий наоборот уже не может быть вещим. Что я в нем увижу?

– Ты увидишь то, что с тобой было. Поэтому полнокровно переживешь заново какое-то событие.

– Как же ты этого добьешься?

– Когда добьюсь, постучу тебе.

Так как Удалов жил над Минцем, то Минц, когда была нужда в Корнелии, стучал в потолок щеткой, а Удалов стучал по полу каблуком.

Минц постучал через три недели – очень долго шла работа над гормоном сна. С наукой это бывает – казалось бы, открытие так и просится в руки, ан нет – проходят недели, а средство от СПИДа еще не придумано.

Минц постучал, когда Удалов как раз пил компот, придя с собрания общественного совета организации «Зеленый дол». Он отставил стакан и кинулся вниз. Ему не терпелось узнать, достижимо ли счастье в отдельно взятой стране.

Минц сидел за столом в синем махровом халате и пил кофе.

– Не томи! – крикнул от дверей Удалов.

– Испытал, – ответил Минц. – Это было счастье!

– Говори, говори!

– Я заснул. И снился мне конец сороковых годов и вечер на набережной возле Кремлевской стены. Ты знаешь, с кем

рядом я стоял?

– С кем же?

– С Аллочкой Брусилович. Был холодный мартовский вечер. Редкие льдины плыли по Москве-реке. На одной сидела кошка. Глаза ее казались алмазными крошками. А в гостинице «Бухарест» на четвертом этаже горели два или три окна. Рука Аллочки послушно лежала в моей ладони, я смотрел на нее и думал – как я счастлив видеть, что черная тугая прядь падает на ее маленькое розовое ушко.

– Она без шапки была? – спросил Удалов.

– Чего?

– И как ее мать выпустила? Ведь мороз был?

– Мороз. Но дело не в этом.

– А когда можно попользоваться? – спросил Удалов.

– Как так – попользоваться?

– Принять. У каждого свои проблемы.

– А у тебя какие? Со счастьем?

– Может, и со счастьем.

– Но я еще не готов.

– Вот я и думаю – не вообразил ли ты это счастье, Лев Христофорович?

– Обижаешь, – ответил Минц. – А со своей стороны, чтобы унять твой скептицизм, обещаю, что ты будешь первым, кому я дам испытать сон.

– Лев Христофорович, я так понимаю, что ты можешь внушить сон на определенный момент в прошлой жизни. И

необязательно, чтобы это был счастливый миг.

– Ты прав, Корнелий, – ответил профессор. – Счастье я обещать не могу. Но могу обещать: во сне ты снова переживешь такой-то день и час своей жизни.

– И мое дело заказать тебе нужный день?

– И нужный час.

– А если я ошибся?

– Если ошибся, то увидишь, чего не желал.

Но Удалову не нужно было счастье. Другая проблема волновала его беспокойный ум.

Минц догадался, что Удалов что-то утаивает от него.

– Зачем тебе понадобился вещий сон?

– Мне нужен сон вещий, чтобы найти вещи, – ответил Удалов. – Когда сделаешь мне укол?

– Не укол, пилюля.

– Еще лучше.

Испытания состоялись через две недели.

Утром.

Минц казался усталым.

– Опять не спал? – спросил Удалов.

– Там же был, то же снилось.

– Опять Аллочка Брусилович на набережной у Кремля?

– И глазки, как алмазная крошка.

– Лев Христофорович, а не становишься ли ты наркоманом? – спросил Удалов. – Если тебе вновь и вновь хочется испытать чувство счастья, то потом тебе не захочется воз-

вращаться в нашу действительность. И ты увеличишь долю и рехнешься!

– А может, мне хочется остаться там навеки, продлить счастье – от мгновения до вечности?

– Ты обещал, – перебил друга Корнелий, – что дашь первую снотворную пилюлю мне по дружбе. Так ли это? Не передумал ли?

– Говори, какое мгновение в прошлом тебе надо мысленно посетить? Что ты хочешь пережить вновь во всей видимости реализма? Первый поцелуй?

– Нет.

– Неужели тот день, когда тебе на шейку повязали красный галстук?

– Нет.

– Последний экзамен в школе?

Удалов отрицательно покачал головой.

Минц пожал плечами.

– Ты извращенец, – сказал он.

Удалов и это отрицал.

– Тогда говори!

– Три часа ночи восьмого октября сего года.

– Что? – Удивлению Минца не было предела. – Два месяца назад?

– Вот именно.

– Но что же могло произойти?

– Не тереби душу. Мы с тобой взрослые люди и не задаем

лишних вопросов. Показывай, как работает твой наркотик!
– Очень просто, – ответил Минц.

Он взял со стола большой будильник с календарем тайваньского производства, продается в универмаге за сто десять рублей. Стекло с циферблата было снято. Затем Лев Христофорович вытащил из мензурки оранжевую пилюлю и положил ее на циферблат. Он бормотал вслух:

– Три часа ночи восьмого октября сего года.

Удалов увидел, что циферблат показывал часы, минуты, а также число, день недели и еще – маленькая стрелочка, самодельная – год от Рождества Христова.

Минц набрал нужную дату и время.

– Теперь подождем, – сказал он, – дай прибору зарядиться.

Они сыграли партию в шахматы, потом Минц угостил соседа чаем. Говорили о событиях последних дней, о разгуле бандитов в масштабе области, об оскудении крокодилов в озере Копенгаген, землетрясении в Гватемале, видах на урожай наркотиков в Золотом треугольнике и даже шансах русского человека Сточасова победить на выборах мэра города Паталипутра на планете того же названия.

Время пролетело незаметно.

Будильник щелкнул и сыграл арию Трубадура.

– Все, – сказал Минц, – заряжена твоя пилюля. Перед сном примешь и спи спокойно, скоро начнет сниться сон совершенно реалистический, повторяя событие в жизни. И ты

получишь свое удовольствие, а какое – не скажешь?

– Получу – скажу, – ответил Удалов, с благодарностью забрал оранжевую пилюлю и пошел к себе.

Пилюлю он спрятал среди рыболовных крючков и блесен, не хотел, чтобы ее увидела Ксения, потому что она обязательно подумает что-то неправильное. Может, решит, что Удалов тайком от нее лечится от неприличной болезни, может, что он стал наркоманом.

День тянулся медленно и неинтересно. Удалов даже лег поспать, чтобы убить его. Но когда проснулся, было все так же сумрачно и снежно.

Ксения почуяла неладное, когда кормила мужа обедом.

– Опять пил? – спросила она.

Подозрение было необоснованным, потому что Удалов пил редко, понемногу и только в хорошей компании. Но ведь надо мужа в чем-то подозревать! Мужья – это опасная категория домашних животных, которые норовят выскочить на лестничную площадку в поисках приключений. Когда-то один итальянский деятель сказал: «Жена Цезаря выше подозрений».

– А что натворил? – спросила Ксения.

– Ничего, – убедительно ответил Удалов. Подобно любому мужу, Удалов на семейных допросах сразу чувствовал свою вину, даже если ее и не было, и тянуло в чем-нибудь признаться.

– А ты не красней, не бледней, – сказала Ксения. – Вижу

по твоему рылу, что оно в пушку.

Удалову захотелось взглянуть в зеркало, хоть он и понимал, что жена говорит в переносном смысле.

Он стал думать о том, как сейчас заснет и тогда сможет решить загадку, которая мучает его уже второй месяц.

Тут по телевизору стали показывать сериал про петербургские тайны, и Ксения отвлеклась. Чужие проблемы казались ей более актуальными.

Удалов же сослался на головную боль, услышал на прощание язвительную реплику супруги: «Знаем-знаем, почему у тебя голову ломит!» – и пошел готовиться ко сну.

И тут случилась беда.

Минц не предупредил, а Удалов не подумал о том, что на человека в нервном ожидательном состоянии духа может навалиться бессонница. Что и случилось.

Удалов лежал в темной комнате, смотрел в потолок, слушал, как рядом похрапывает жена, а сон не шел. Удалов просчитал до десяти тысяч, попытался вспомнить все стихи из школьной программы, но сон не шел. За окном переругивались собаки. Прошли пьяные дети с гитарой. Они нестройно пели песню «Спокойной ночи, малыши». В иной ситуации Удалов бы улыбнулся, но сейчас он только сердился.

Уже скоро рассвет.

И тут зажегся свет. И Удалов вошел в комнату.

Хорошо, что Ксения ушла к Гавриловой. Они просидят до полуночи, мало ли проблем у двух пенсионерок: личная

жизнь детей не удалась, а внуки растут и требуют новые ботинки.

Перед Корнелием стояла проблема – и немаловажная: надо было спрятать от Ксении шестьдесят долларов.

Мечта Удалова о покупке голландского спиннинга была наконец-то близка к осуществлению. Тридцать лет он мечтал, а сегодня оказался в шаге от свершения.

И все объяснялось обычным везением.

Был Удалов на рыбалке, на озере Копенгаген. Ловил на червя, погода была дождливая, рыбаков, считай, никого.

Вода взбурлила, на удочку попался небольшой крокодил. Они иногда встречаются на озере Копенгаген, клюют на блесну. Лучше всего крокодила ловить зимой, на подледном лове, потому что зимой крокодил вялый и покойный. А летом он может и канат перекусить.

Крокодилы водятся в озере еще с дореволюционных времен, когда их развел тамошний помещик Гуль, большой либерал и оригинал.

В последнее время крокодилов осталось мало, их всех собираются внести в Красную книгу, но специалисты по красным книгам никак до озера не доберутся.

Считай, Удалову повезло.

Конечно, он предпочел бы поймать крокодилицу с яйцами – известный деликатес, но и малыш сгодится. И сгодился. Потому что, как только Удалов сошел с автобуса на окраине города, возле Восточного рынка, его встретили два ти-

бетца. Порой тибетцы заезжают в Гусляр, торгуют печенью яков, высокогорными гобийскими и каракорумскими травами и тантрическими рукописями на пальмовых листьях.

Внимание тибетцев привлек крокодилий хвост, который свешивался из сумки рыбака, перекинутой через плечо.

– Северный крокодил, однако? – спросил тибетец постарше, одетый в желтую тогу и красную шапку с высоким гребнем.

– Как угадали? – удивился Удалов.

– Давно ищем, – сказал второй тибетец, в полушубке лагерного типа.

– Из хвоста молодого крокодила, выращенного в озере Северной России, добывается крайне редкий препарат, повышающий мужскую потенцию, – сказал старший тибетец.

– Мы присланы сектой Синего Облака в поисках этого снадобья для главы ее, Сапраменг-ламы, однако, – добавил второй тибетец.

– Любые деньги платим, – сказал первый тибетец. И по жадному блеску в глазах тибетцев Удалов понял, что сейчас начинается его звездный час.

– Крокодилы у нас редко встречаются, – произнес он. Старший тибетец, видно, человек тертый, сразу сообразил, что начинается серьезный торг.

– Десять долларов, – сказал он, – но в китайских юанях.

– Вы с ума сошли! – вспылil Удалов и пошел прочь.

Крокодилий хвост покачивался за спиной и ритмично

ударял его по бедрам.

Тибетцы бежали вслед и кричали:

– Двадцать пять долларов!

– Тридцать долларов в китайской валюте!

Удалов остановился и произнес:

– Сто долларов, и ни копейкой меньше.

– Пятьдесят!

– Семьдесят, и только в американских баксах.

Они расстались возле дома Удалова. Тибетцы унесли крокодила, а Удалов стал богаче на шестьдесят долларов.

И вот он стоит посреди комнаты, размышляя, куда можно спрятать это богатство, чтоб Ксения с ее интуицией эти баксы не отыскала.

Под комод? Выметет. В книги на полку? А как запомнишь, в какой книжке они лежат? Нет, место должно быть фантастически необычным. В летние сандалии! Вот куда!

Удалов открыл было шкаф, но замер – нет, кошка может залезть.

А может быть, в папку с грамотами? Сколько их получил Корнелий Иванович за долгую трудовую жизнь! И с портретами, и просто с красными знаменами.

Вряд ли Ксения вздумает в этой папке копать.

Решившись, Удалов вынул шестьдесят долларов, тремя двадцатками, заложил их в грамоту «За победу в социалистическом соревновании в честь XVI съезда КПСС», сунул грамоту в середину папки, положил папку на верхнюю полку

книжного шкафа.

Все. Решение принято, теперь можно искать подходящий спиннинг. В жизни снова появился смысл.

И Удалов проснулся.

Было раннее утро, небо начало синеть, облака умчались восвояси, предутренние звезды холодно мерцали на небе. Собаки все еще гавкали под окном. Потом каркнула ворона.

Ксения мирно спала рядом. Она ни о чем не догадалась.

Все проблемы были решены.

Снадобье Минца подействовало.

Во сне Удалов увидел решение загадки. Теперь он знает, куда спрятал заветную записку.

Он спрятал ее. А куда он ее спрятал?

Удалов вскочил с кровати. Ксения заворчала во сне и повернулась на бок.

Но ведь он только что видел во сне и все помнил! Он видел, как вернулся домой, как стоял посреди комнаты и сообщал, куда бы спрятать доллары. Сообразил и спрятал.

Куда?

Удалов еле дотерпел до восьми утра, когда сосед снизу загремел сковородкой – значит, готовит себе омлет. Удалов ворвался к Минцу.

– Лев Христофорович! – закричал он с порога. – Мы так не договаривались!

– Что? Неужели не подействовало?

– Я не помню.

– Так был сон или не было сна?

– Был сон, был.

– И число загаданное совпало?

– Но не в этом дело!

– В чем же дело? – Минц не выспался, лысина была потной, халат разошелся на животе, глаза красные, веки припухли.

– Я не запомнил!

– Момент счастья?

– Какой, к черту, момент счастья! Не помню, куда шестьдесят баксов спрятал!

И срывающимся от обиды голосом Удалов признался профессору Минцу в своей мечте о спиннинге и записке от Ксении.

Минц проникся к Удалову сочувствием, потому что с возрастом его изумительная память все чаще давала сбои. И все чаще терялись в кабинете нужные бумаги и вещи. Казалось бы, только вчера положил книгу на видное место, а сегодня на этом месте книги нет и вообще ее нет в пределах видимости. Ты можешь перерыть всю свою небольшую захламленную квартиру и ничего не найдешь кроме того, что искал в прошлом году. Через два месяца эта книга (уже ненужная) отыщется на самом видном месте, и станет непонятно, кого винить в этой дикой издевке судьбы.

– Странно, – сказал Минц, выслушав эпопею Удалова. – Я, например, помню все, что делал в наведенном сне. Каждое

слово помню.

– Но ведь ты ничего и не забывал, – ответил Удалов. – А мне надо было вспомнить. Что я помнил, то я помню, а что забыл, то не помню.

– Мало пилюль осталось, – вздохнул Минц.

– А ты еще сделай.

– Не так просто, – ответил Минц и объяснять, в чем трудность, не стал. Но Удалов знал: если Минц сказал, что непросто, значит, невозможно.

– Хоть одну дай, – попросил Удалов.

– А что изменится? – спросил Минц.

– Может, получится, а? Для меня это вопрос принципиальный.

Минц открыл баночку с пилюлями и стал их считать. Потом вытащил одну и протянул Удалову.

Удалов успел кинуть взгляд в баночку и увидел, что там осталось не меньше полудюжины пилюль. Минц догадался, что Удалов успел кинуть взгляд в баночку, и сказал:

– Приходится быть эгоистом. Надо решить морально-этическую проблему.

– Жениться решил? – не подумав, спросил Удалов, но Минц не рассердился, а отмахнулся от его слов, как от незначащих.

– Нельзя жениться на девушке, которая давно стала бабушкой, – сказал он. – Но можно постараться свести счеты с собственной совестью.

Удалов его не понял, но ушел, сжимая в кулаке заряженную на тот же злосчастный день пилюлю.

Начавшийся день был подобен месяцу — так долго и ненужно он тянулся до сумерек. Потом было сидение у телевизора, пустяковая ссора, визит Савичей, что-то еще, и наконец можно ложиться спать.

На этот раз Удалов решил рискнуть.

Вы скажете, что его решение было антинаучным? Может быть. Я тогда отвечу вам: само открытие Минца антинаучно. А в ненаучной ситуации антинаучные поступки порой дают положительные результаты.

Я не слишком сложно высказываюсь?

В общем, Удалов заснул, сжимая в кулаке штучку — красную метку — пуговицу от пальто первой жены Максима.

Зажегся свет, и Удалов вошел в комнату.

Перед Корнелием стояла проблема — и немаловажная: надо было спрятать от Ксении шестьдесят долларов.

Тридцать лет Удалов мечтал о покупке голландского спиннинга, а сегодня оказался в шаге от свершения.

И вот он стоит посреди комнаты, размышляя, куда можно спрятать свое богатство, чтобы Ксения с ее интуицией эти баксы не отыскала.

Может быть, в папку с грамотами? Сколько их получил Корнелий Иванович за долгую трудовую жизнь! И с портретами, и просто с красными знаменами. Вряд ли Ксения вздумает копаться в этой папке.

Решившись, Удалов вынул из кармана шестьдесят долларов, заложил их в грамоту «За победу в социалистическом соревновании в честь XVI съезда КПСС», сунул грамоту в середину папки, положил на среднюю полку книжного шкафа, а на нее – красную пуговицу.

Все.

И Удалов проснулся.

Ксения уже начала уборку и как раз добралась в своих утренних трудах до книжного шкафа.

Что же связано в памяти с этим шкафом? Что-то важное. Может быть, надо новый шкаф купить?

Удалов сел на кровати и сказал скучным голосом:

– Поменьше бы пыль поднимала, пока человек спит.

– А ты не спи, – ответила Ксения. – Я вся в трудах, а ты дрыхнешь.

Она взмахнула рукой, и красная пуговица упала на пол и покатилась к босым ногам Удалова.

Взор его задержался на секунду на пуговице, затем метнулся к папке с грамотами.

– Не урони! – закричал он и прыгнул к книжной полке.

Ксения от неожиданности отшатнулась. И схватилась за папку, чтобы не упасть.

Удалов вырвал папку из ее рук и побежал с ней на кухню.

– Ты куда? Ты зачем хулиганишь? – кричала вслед Ксения. Но Удалов уже вытащил из грамоты три двадцатидолларовые купюры.

Обошлось, деньги перепрятаны в карман брюк, сегодня же пойдем в «Рыболов-спортсмен». Надо рассказать Минцу об удачном опыте.

Правда, как объяснишь профессору, человеку, не склонному к мистике, что красная метка побывала во сне и помогла отыскать деньги? Как она туда попала?

Минца дома не было.

Удалов вновь поднялся к себе. Позавтракал. Минца все не было.

Удалов сходил в магазин, присмотрел спиннинг, потрогал его, усомнился, вернулся домой, позвал Сашу Грубина, специалиста по всему, они пошли туда вдвоем, но купить спиннинг не решились.

Посидели, приняли по кружке пива.

Решились.

Купили спиннинг, отнесли его к Грубину. Потому что теперь предстояло подготовить Ксению к прибавлению в семействе. Ей будет тяжело это пережить.

Удалов снова постучал к Минцу.

Ответом был хрип.

Встревоженный Удалов вошел к Минцу, благо дверь к нему не запиралась.

Профессор лежал на полу.

Он был мокрый насквозь — от халата до кончика носа — и дрожал, словно провел сутки в холодильнике, он не мог говорить, и лишь невнятный хрип вырывался из его посинев-

ших уст.

– Лев Христофорович, что с тобой! – воскликнул Удалов. – Вызвать «Скорую»?

– Ты с ума сошел, – проскрипел Минц и сделал движение рукой, которое Удалов истолковал положительно. Он открыл лабораторный шкаф и одним махом выхватил оттуда реторту, наполненную спиртом на клюкве. Для особых случаев.

Он налил стакан спирта, пригубил немного, чтобы проверить, не испортился ли напиток от неупотребления, а потом протянул стакан Минцу.

– Может, помочь? – спросил он. Но Минц уже схватил стакан и вылил его в себя.

Постепенно его лицо приобрело розовый цвет. Удалов помог профессору перебраться на диван.

– Будешь спать? – спросил он. Хотя на самом деле его жгло желание поделиться своей радостью. И узнать, конечно, что произошло с Минцем за последние сутки.

– Что у тебя с баксами? – спросил профессор. Даже в тяжелые моменты жизни он помнил о друзьях.

– У меня все в порядке, – сказал Удалов. – Хотя не без мистики. Я во сне метку оставил, она так и осталась там лежать.

– Правильно, – сказал профессор. – Правильно. Я тоже об этом догадался.

– Ты тоже метку оставил?

– Своего рода. – Профессор долго кашлял, потом закри-

чал петушиным голосом: – Да здравствует мистика!

– Ну скажи, не тай!

– Я был счастлив, Удалов, – произнес хрипло Минц. Его глаза закрывались, голова склонялась к валику дивана. – Я был счастлив, потому что открыл секрет счастья.

– В чем же этот секрет? – спросил Удалов и подумал о спиннинге, спрятанном у Грубина.

– В том, чтобы сделать счастливым другого. Того, кого любишь.

– Может быть, – сказал Удалов. Мысли его были далеко.

– Ты не понял! Я сделал счастливой Аллочку Брусилович. И потому я счастлив тоже.

Профессор зашелся от кашля. Удалов насупился.

– Придется доктора вызывать, – сказал он.

Минц отмахнулся.

– Ты ничего не понимаешь! – воскликнул он. – Потому что не задал главного вопроса.

– Какого вопроса?

– «Почему?» Почему Аллочка счастлива? Почему я счастлив?

– Ну почему?

– Потому что я все-таки после неудачных попыток сегодня ночью прыгнул в речку, доплыл до льдины и снял с нее котенка. Почему я не утонул, не знаю. Но я выбрался на берег, отдал котенка плачущей от страха за меня и радости за животное девушке. Я заглянул в ее сияющие глаза...

и проснулся, черт побери.

– И хорошо, что проснулся, – сказал Удалов. – А то бы помер в молодости от воспаления легких. Ты лежи, лежи, не вставай, грейся. Если что, постучи мне. А я пошел Ксению подготавливать. Чтобы она меня вместе со спиннингом не выкинула.

Минц допил спирт и тихо засмеялся.

КОСМОГРАФИЯ РЕВНОСТИ

– Нет, – твердо заявила Ксения Удалова, – за маленьким я в садик больше не ходок.

– Ну что за птица вас клюнула в одно место, мама? – сказала ее невестка Маргарита. – Мне за вас даже немного стыдно, если не сказать возмутительно.

Ксения не стала спорить, а пошла на кухню, готовить щи и тихо плакать. Если такие слезы капаят в щи, то они получаются хуже солянки, каждая слеза на вес чайной ложки рассола.

– Она у нас рехнулась, – сказала Маргарита своему мужу Максиму Корнелиевичу.

– Ты о ком? – спросил Максим, открывая пиво.

Он налил отцу.

Корнелий Иванович отпил и сказал:

– В мое время было только «Жигулевское» – и не больше бутылки в одни руки. Но какой напиток!

– А вчера она на рынок не пошла, – сказала Маргарита. – Я ее прошу по-человечески, вы же знаете, как я маму Ксению уважаю, а она ноль внимания. А она говорит – на рынок не пойду, не могу даже по Краснопартизанской ходить. Как будто всю жизнь по ней не ходила.

– Возраст, – заметил Максим, – сказывается при всем моем уважении.

Корнелий в разговор не вмешивался. Он задумался. Он лучше всех знал свою жену. С ней творилось неладное.

С точки зрения человеческого поведения объяснимое, но человек этот был особенным.

Максим решил наладить мир в семействе и произнес:

– Ладно уж, я сам в садик схожу, а ты, ма, завтра в химчистку мой костюм отнеси, лады?

– Это в какую химчистку? – спросила Ксения.

– На бывшую Серафимовича, – сказала Маргарита. – И мой серый костюм захватите.

– На Серафимовича не могу, – сказала Ксения из кухни.

И все замолчали.

Серафимовича была улицей почти соседской.

– Значит, не хочешь, ма? – спросил Максим.

– Значит, не желаете, мама? – спросила невестка.

– Не могу, видит бог, не могу, честное пионерское, – ответила Ксения с надрывом, без юмора.

– Но ведь вы еще на той неделе ходили, – вспомнила Маргарита.

– На той неделе я, можно сказать, еще на живого человека была похожа, – сообщила Ксения и громко шмыгнула носом.

В этот момент Корнелий поднялся и пошел наружу, на двор.

Никто, кроме Ксении, его ухода не заметил. С тех пор как Удалов вышел на пенсию, его многие перестали замечать. А в семье и подавно.

А Ксения сдвинулась к окну, чтобы наблюдать, как он выйдет из дома и куда завернет.

Но Удалов не появился, значит, он пошел на первый этаж – или к Грубину, или к профессору Минцу.

Ксения слушала голоса сына и невестки, голоса были громкие и даже пронзительные, они произносили грубые и укоризненные слова, но Ксения не вдумывалась в их смысл. Она глядела на улицу, на увядающую, бурую из-за сухого лета, так и не успевшую толком пожелтеть листву. Осень в этом году выдалась некрасивая, не золото, а сплошная грязь. И жизнь у Ксении не удалась. Она вообще-то была несчастной женщиной.

– Вы куда? – спросила Маргарита.

– Тебя не касается, – ответила свекровь.

Ксения спустилась по скрипучей темной лестнице, легко продуваемой сквозь щели – дом был старый, считай, барак, тридцатых годов, давно пора бы сносить и дать им квартиру в пятиэтажке улучшенного типа. Все, кто предшествовал Корнелию на посту директора стройконторы, и те, кто сменил его на том посту, – все построили себе виллы, коттеджи или хотя бы квартиры в элитном доме на Марксистской. Один Удалов так и остался в покосившемся доме № 16 на Пушкинской улице.

Что-то ей сегодня все было не по душе. Даже запахи на лестнице уловила, застоявшиеся, почти древние, кухонные и другие. И стекло мухами засижено так, что света не видеть.

Давно пора бы вымыть, а кто возьмет на себя такой труд?

Ксения спустилась на первый этаж, остановилась перед дверью к профессору Минцу. Дверь была стандартная, все слышно, только Корнелий с Минцем стояли не у двери, а в комнате, и голоса их доносились не очень внятно.

– А ты давал основания? – это Минц говорит.

– Ну какие основания! Ты меня скоро тридцать лет знаешь. Ну какие могут быть основания в нашем городишке, где каждый каждого в лицо знает?

Он засмеялся каким-то невнятным смехом. Минц тоже засмеялся.

– Не преувеличивай, Корнелий... Дыни желаешь? Мне одна женщина вчера принесла. Балует она меня.

Затем голоса отдалились и стали неразборчивыми.

Ксения вздохнула.

– Смеются, – произнесла она вслух. – Ну ладно, досмеются.

Она вышла на Пушкинскую и направилась к центру.

Вышла было к площади Землепроходцев, но тут ее словно плетью по ногам стегнули.

Дальше ни шагу!

Она и замерла.

Впереди был виден Гостиный двор. Прямо перед глазами магазин «Все для сада-огорода».

Вот именно! Этот самый магазин. Зловещая дверь приоткрыта в тягостный полумрак, откуда как орудия пыток вы-

глядывают грабли...

Ксения зажмурилась от ужаса и попятилась.

Так она и пятилась метров двести, пока сообразила развернуться. Пускай они смеются над ней и осыпают ее упреками и оскорблениями. Если у женщины нет способов отстоять свою честь на дуэли или в конном строю, может быть, демонстрация слабости окажется более убедительной, чем напор силы?

И Ксения направилась к профессору Минцу.

Перед дверью к нему она остановилась и некоторое время прислушивалась – не хотелось ей встретиться там с мужем.

Внутри царил тишина, а потом послышался негромкий голос профессора. Он напевал известную песню «Мани-мани-мани» о власти денег. Значит, он один.

Ксения стукнула в дверь костяшкой пальца.

– Заходи, Ксения, – откликнулся из-за двери профессор.

– Здравствуй, Лев Христофорович, – сказала Ксения. – Как ты догадался, что это я скребусь?

– Дедукция, мой друг, дедукция, серые клетки моего головного мозга вычислили, что если в семье Удаловых зародилась проблема и побеседовать о ней ко мне пришел Корнелий Иванович, то неизбежно скоро заявится и другая сторона конфликта. Правда, я не думал, что так скоро. Садись, Ксения, рассказывай.

– А ведь он сознался, – ответила Ксения, но села в новое кресло, купленное в Швеции одним из почитателей профес-

сора, который полагал, что Минц в последнее время меньше делает открытий, потому что старое кресло совсем протерлось – пружины наружу! – Если этот мерзавец признался, тогда я молчу.

– Он ни в чем не признался, – возразил Минц. – И боюсь, что Корнелию не в чем признаваться.

– Помолчи, Лев, – отрезала Ксения. – Иначе я и за тебя примусь. Позорно покрывать мужикам друг дружку.

Минц оробел.

Человек – существо многоплановое. Минц – не прост, как хронометр. И потому не всегда последователен в своих поступках. Поставьте Льва Христофоровича на подиум в том зале, где дают Нобелевские премии, и предложите прочесть нобелевскую речь без бумажки. Он это сделает спокойно. Его не смутят даже взгляды членов Шведской академии или улыбка шведского короля. Но перед кассиршей в нашем гастрономе он теряется, как школьник, в домоуправление ходит с душевным трепетом, а Ксения Удалова способна довести его до дрожи в конечностях.

Он знал, что визит Ксении – дело решенное и близкое, он знал, что Ксения потребует от него защиты от мужа, он все предугадал и предусмотрел, но ответить отказом, что было единственным разумным действием с его стороны, он не смог.

– Тогда рассказывай о симптомах, – вздохнул он. – Чаю хочешь?

– Я уже ничего не хочу.

– Говори.

– Не знаю, что здесь мой благоверный плел, но я тебе со всей ответственностью заявляю: седина в бороду, бес – в ребро. Ты меня понимаешь?

– Корнелий не производит такого впечатления.

– А ты не девица, чего тебе производить. А вот существо в юбке для него... ах, что тут говорить! Удавлюсь!

– Вот это лишнее.

– Знаю, что лишнее. Лучше его удавить, но рука не поднимается.

– Ксения, не отвлекайся.

– Хорошо, не буду. Ты ихнюю бухгалтершу видел?

– В стройконторе?

– Вот именно. Не видел? Я тебе скажу – крокодил с острова Комодо. Сухопутная тварь.

Ксения просмотрела немало познавательных программ по телевизору, и поэтому для нее крокодилы с острова Комодо были существами понятными и не чужими.

– Продолжай, – сказал Минц.

– Дальше – хуже. У нас в молочной продавщица – это раз, а на рынке в магазине «Все для сада-огорода» такая татарка, хоть чадру надевай! Дальше перечислять?

– Это все подозреваемые пассии твоего Корнелия? – спросил Минц, хотя можно бы и не спрашивать – и так все понятно.

– Ты словами не раскидывайся, – попросила Ксения. В ее глазах накапливались слезы – вот-вот покатятся вниз по алым щекам. – Ты пойми мое состояние. Он себе в детском садике одну отыскал. А ей всего-то лет шестнадцать-двадцать! Его же за развращение пора сажать. Хотя теперь эти Лолиты такие пошли, что пенсионера тащат в кровать и еще обкусывают.

– Что делают?

– Зубами по карманам шарят, – сказала Ксения. – Это так печально, чему их в школе обучают? А может быть, этому и обучают...

– Ксения, скажи, а ты не задумывалась: вдруг все эти женщины – плод твоего разгулявшегося воображения?

– Не повторяй его слова. Я покончу с ним и с собой. Лучше давай я тебе дальше перечислять буду. Вот ты думаешь, что Корнелий на рыбалку ездит? Это глупая наивность. Он удочки в лесу под кустом прячет, а сам опушками на слободу несется, к одной молочнице.

– К молочнице?

– Ядреная такая, кровь с молоком, конечно, молочница. Я ее адрес знаю, скоро подожду.

– Только не надо взрывать, – попросил Минц. – Все газеты напишут, что это чеченский терроризм, возьмут тебя и скажут, что ты – белая колготка.

– Окстись! У меня белых колготок и в жизни не бывало!

Ксения чуть приподняла подол юбки, чтобы показать, что

ее колготки телесного, нормального цвета.

– А чего ты от меня хочешь? – спросил Минц.

– Спасения.

– Как я могу спасти тебя, Ксения?

– Со мною что-то происходит. Я выхожу на улицу, где детский сад расположен, и ноги у меня отнимаются. Не могу я ходить по Краснопартизанской. Убейте, не могу!

– Дальше, дальше! Это удивительный феномен.

– Ревность меня душит. Представляю, как он, этот старый развратник, шагает с ней в обнимку к детскому садику...

– Зачем?

– Зачем? Чтобы лобзаться в детский мертвый час. Детишки только закрыли глазенки, а он уж ее тискает в углу.

– Ох!

– Вот именно. Но когда выхожу я на площадь Первопроходцев – а это по нашей улице в другую сторону, то вижу вывеску «Все для сада-огорода» и понимаю – именно там он встречался со своей татаркой. Именно там он обменивался с ней страстными взглядами исподтишка, ты понимаешь?

– Патология, – сказал Минц.

– Для вас, может, и патология, и маммология, а мне умереть в самый раз. Ревность душит меня за это самое место.

– За какое? – удивился Минц.

– За горло, – просто ответила женщина. – Но если пойти мимо церкви Параскевы Пятницы, то там остановка автобуса. Знаешь, зачем ее там устроили?

– Зачем?

– Чтобы моему мерзавцу удобнее было по утрам с бухгалтершей встречаться. Они встречаются, и сразу в автобус! Развратом заниматься.

– В автобусе?

– И в автобусе тоже.

– Сомнительно.

– Значит, ты, Лев Христофорович, недостаточно развратный. Не знаешь, на что способен некоторый самец!

– Ты о Корнелии?

– И черт меня дернул выйти за него замуж! – возопила Ксения так, что Корнелий, который как раз вышел покурить на лестничную площадку, сжался от этих слов, как ежик под лапой медведя.

– И давно это случилось? – спросил Минц не без ехидства.

– Сорок лет живу на краю смерти.

– Чего же раньше не разошлась?

– Раньше, пока демократы не развалили Советский Союз, всегда был партком, куда можно было пойти и прямо сказать: жить с таким извергом я больше не в состоянии. Немедленно разлучите его с этой девкой и верните в семью. А теперь мы все, бабы, сами по себе, без партийной защиты и подмоги! Загибаемся.

Лев Христофорович достал из ящика стола план города Великий Гусляр и разложил его на столе.

– Посмотрим, – рассуждал он вслух. – Если нам надо на

рынок и мы не можем ходить по Краснопартизанской, то нетрудно свернуть на Софью Перовскую...

– Ты с ума сошел! Еще двадцать лет назад он на той улице Маруське Эйнштейн подмигивал.

– Не родственница? – вдруг заинтересовался Минц.

– Ее из техникума за неграмотность вышибли. Вот и сидит она у окна и подмигивает. А мой чуть что – сразу ей в ответ подмигивает.

– Ты видала?

– Люди донесли.

– А может, за давностью лет вычеркнем улицу Софьи Перовской?

– А для меня события двадцатилетней давности кажутся совершенно живыми. Как сегодня! Не могу я на ту улицу зайти. Лучше умру.

– А как Зловонный переулок? – спросил Минц. – Он по краю идет, у реки.

– Нет, ты решил меня в могилу свести! – обиделась Ксения. – Ты что, забыл что ли, кто там таится?

– А кто там таится?

– Она. Отравительница, Лукреция Борджия, собственного мужа уморила и попала в историю.

– Вроде бы у нас в городе таких не было.

– А Зинка? Знаешь ли ты, наивный профессор, что эта Зинка в восьмидесятом, нет, в восемьдесят седьмом чуть было в Париж с Корнелием не укатила?

– Не может быть!

– А я тоже сначала не поверила, когда мне старуха Ложкина рассказала. Но потом по его глазам все раскусила. Так что и не мечтай – Зловонным переулком я никогда ходить не стану.

Разговор этот продолжался еще более часа, и Минц по ходу его зачеркивал синим фломастером те улицы, по которым ревнивая Ксения не могла ходить, и те площади, на которых Удалов перекинулся взглядом со своей очередной жертвой. К ужасу Льва Христофоровича, на исходе этого часа обнаружилось, что и в самом деле эмоционально ущемленная Ксения Удалова по городу уже не могла передвигаться, потому что все время натыкалась на любовниц, знакомых или иных женщин Удалова, и внутреннее отвращение к этим развратницам и к мужу, который им способствовал, было столь велико, что Ксении лучше бы запереться дома и доживать свой век в полной изоляции.

– И что же будем делать, доктор? – спросила Ксения с некоторым удовлетворением и даже гордостью в голосе, потому что картина получилась убийственная и уникальная.

– Может быть... – Профессор надолго задумался. Через несколько минут его посетила конструктивная мысль.

– А как насчет крыльев? – спросил он. – Есть на это техническая возможность. Сделаем тебе крылья, моторчик на копчик и полетишь...

– Полечу? И грохнусь? И оставлю внуков без бабушки?

– Риск есть, но небольшой.

– Нет, – отрезала Ксения. – Потому что с неба я буду видеть все места его разврата, все дома его любовниц и ухажек. Так я на них сразу и грохнусь!

– Так...

И Минц снова надолго замолчал. Потом сказал так:

– Придется поделиться с тобой, Ксения, великой космической тайной.

– Вот это мне больше нравится, – сказала женщина. – Делись.

– Наука только-только подходит к этому рубежу, – сказал Минц. – Даже многие не верят.

– Меня это устраивает. Если дело верное.

– Дело верное, ты уж поверь моему опыту.

– Выкладывай.

– Земля под нашими ногами с одной стороны – планета, а с другой стороны – пустота, – сказал Минц и дернул себя за ухо, потому что и самому было трудно поверить в свое гениальное открытие. – Любое материальное тело может пройти от точки «а» до точки «б», если оно получит прибор, скажем, ключ, к движению в условных туннелях, которые пронзают всю Вселенную. Это как бы туннели метрополитена, но в то же время они представляют собой совершенно невероятный лабиринт.

– То есть ты хочешь, чтобы я под землю полезла? – спросила Ксения. – Без света, в грязи, а потом из подвалов выла-

зить, так, что ли?

– Я говорю тебе, женщина, – рассердился Минц, – что подземные ходы – это галактическая условность. Теоретически я тебе докажу это в два счета, но вот путешествовать таким образом я еще не пробовал. И никто не пробовал.

– А я попробую и сгину.

– Ты можешь не углубляться, – сказал Минц. – Постой с краю. Привыкни. Я же тебя ни к чему не принуждаю... в конце концов!

– Не кричи на пожилую женщину. И как я буду ходить?

– Как и снаружи, – ответил Минц. – Расстояния те же, наземные объекты корреспондируют подземным коммуникациям.

– А другими словами? – спросила Ксения.

– Другими словами, от твоего дома до детского сада столько же, как поверху.

– Не понимаю. Что же я, из люка вылезу, да?

– Нет, ты по земле пойдешь. Никто и не заметит.

– Что-то ты дуришь меня, старую, Христофорыч. Как же я под землей буду ходить, а наверх вылазить незаметно?

– Потому что ты будешь ходить не под землей, а под виртуальной землей. Если Вселенная – это организм, то она пронизана тончайшими сосудами и нет им числа! Они всегда в движении, всегда в пульсации, и в то же время они статичны и стабильны, именно от их стабильности зависит в большой степени стабильность Вселенной как системы.

– Значит, я влезу...

– И вылезешь где надо. Только никому ни слова – человечество пока не готово, а милитаристские силы сразу постараются использовать мое гениальное открытие для своих корыстных целей.

– Тогда покажи.

– Эй, – вздохнул Минц. – Хотел я сам сначала попутешествовать, чтобы понять, куда смогу проникнуть с помощью ключа... но если другу надо помочь, я себе другой ключ сделаю.

Сначала Ксения, конечно, опасалась и не стала лезть глубоко.

– Я во двор и обратно, – сказала она. – Только белье снять.

Ключ был не просто ключом, а коробочкой, которую Минц повесил Ксении на шею на простой цепочке. Верх коробочки был стеклянным, на нем была нанесена карта Великого Гусляра. С помощью кнопки можно было установить стрелочку на нужной точке...

Ксения установила стрелку на улице в десяти метрах от ворот.

Потом зажмурилась.

И оказалась во внутренностях Земли.

Это были именно внутренности.

Внутренности Вселенной.

Бесконечные, запутанные сосуды и капилляры, вокруг

ощущение влажности, нутряной теплоты и в то же время – сквозняки! Просто ужасно, какие сквозняки дуют в брюхе Вселенной. Освещение в сосудах было тусклым, неверным и непонятно откуда исходящим...

Стенки и пол были упругими и чуть скользкими, не то чтобы мокрыми, но особенными.

А расстояния там были такими же, как снаружи.

До химчистки от дома пять минут хода. Значит, тебе и по подземному ходу надо будет двигаться столько же минут. А это не всегда приятно. Ведь идешь снаружи, мимо домов проходишь, мимо магазинов, птиц видишь, дома и деревья. А внутри Вселенной – только стенки ходов да непонятные звуки, хлюпы, всхлипы, будто за стенкой в другом проходе какое-то земноводное ползет на охоту за человеком.

– Так может быть? – спросила Ксения.

– Невозможно, – ответил Минц. – Ты с любым крокодилом, который туда невзначай угодил, находишься в другом измерении. Твой сосуд – это твой сосуд, ясно?

С тех пор Ксения ходила на рынок и в магазины по подземельям Вселенной.

Темновато, душно, как в чреве кашалота. То-то Библия написала про Иону во чреве. Наверное, они знали об этих ходах.

Дошла до места, сразу свет вокруг – стоишь у химчистки, и никто не удивляется. Теперь часто люди исчезают и появляются – кому какое дело!

Зато проклятых домов и мест, где скапливались разлучницы, она теперь и в глаза не видела. Как будто их не существует. Конечно, утешение не окончательное, но существенное.

Дома установился если не мир, то перемирие. Ксения прекратила бунтовать. За первый же день переделала в городе больше дел, чем за неделю раньше. С друзьями встречалась, со знакомыми, рассказывала о семье. И ей рассказывали.

Но человек устроен так, что полного счастья достичь не удастся.

Спешила Ксения по тусклому проходу и делать нечего – начинала переживать, что сейчас делает проклятый изменщик. Пользуется ее отсутствием на этом свете. Гуляет по набережной с какой-нибудь приезжей русалкой. А как его поймашь?

Как бы проделать в этих подземельях дырки, чтобы выглядывать, проверять мужа?

Нет, Минц подтвердил – физически нереально. И опасно – Вселенная может осерчать.

Может, телевизор поставить? Монитор, как в гастрономе, чтобы отбивные не воровали?

Не получится монитор. Нет связи между подземельями и поверхностью.

Ксения как бы смирилась, но все равно переживала. А когда приходила домой, то обнюхивала мужа, не пахнет ли от него чужой сучкой. И белье проверяла на нем – не надето ли

наизнанку.

Как вы понимаете, положение изменилось к лучшему, но не принципиально.

*«Пока останется любовь,
С ней рядом ревность угнездится!»*

Так сказал японский поэт XII века.

С такими словами топала домой Ксения, несла сумку с рынка.

И тут совсем рядом услышала какой-то смутный звук, будто человеческий голос, чего, по уверению Минца, быть не могло.

Раньше бы, неделю назад, когда Ксения еще только перешла на подземное движение, она бы перепугалась, а теперь уже чувствовала себя в капиллярах Вселенной почти как дома, так что лишь заинтересовалась и стала двигаться на голос, что не сразу удалось – это ведь как по лабиринту путешествовать.

Но добралась до источника звука.

Нет, не крокодил и не привидение.

Существо неизвестного пола и национальности, даже неизвестно, с какой звездной системы, схожее с оранжевым пауком и в то же время напоминающее кенгуру, стояло на цыпочках в подземном сосуде и втыкало в потолок железную палку. С потолка капало и сыпались какие-то крошки.

– Вы что здесь делаете? – спросила Ксения, которая вовсе не испугалась.

Существо оторвалось от своей деятельности и ответило Ксении телепатическим путем:

– Не отвлекайте меня, чудовище!

– Это я – чудовище?

– А кто же еще?

И существо снова принялось долбить потолок.

– Ничего не получится, – сказала Ксения. – Мне Лев Христович сказал, что это виртуальный потолок, его, может, и не существует.

– Мне тоже говорили, – ответило существо. – Но я не могу больше терпеть.

– А что случилось? – спросила Ксения.

– Чует мое сердце, – ответило существо, похожее на кенгуриного паука или паучино кенгуру, – что мой-то меня все равно обманывает. Пока я здесь передвигаюсь, он на свидания бежит.

– Ты – женщина? – спросила Ксения.

– Еще какая женщина! Даже мученица.

– А сюда как попала?

– Я так ревную, – сказала паучинная кенгуру, – что не могу ходить по районам, в которых мой мерзавец встречался со своими развратницами.

– Неужели?

Ксения посмотрела на существо и нетактично спросила:

– И что он, на тебя похожий?

– Он не похожий, он – мужчина.

– Но в принципе?

– В принципе все люди одинаково устроены – восемь конечностей, одна сумка на животе, шесть пар глаз – обычно.

– Не продолжай, я поняла. Я даже думаю, что его любовницы тоже с восемью конечностями?

– Разумеется.

– Тогда беру свою мысль обратно.

– А какая у тебя была?

– А мысль была – кому такой урод нужен?

– Мне, в первую очередь, – сказала паучинная кенгуру. – Я потому и хотела дырку пробить, чтобы подсматривать.

– И далеко вы живете?

– В центре Вселенной, – сказала несчастная паучинная кенгуру. – На Земле. А ты чего здесь оказалась?

– По той же женской причине, – сказала Ксения. – О, как схожи судьбы жен в нашей Галактике!

Она вынула фотографию Удалова и показала ее женщине. Та вежливо взглянула, но быстро возразила:

– Уж очень страшный урод.

– Морально – да, а физически он еще орел. Ты спешишь?

– Нет. Вот из химчистки шла.

– И я не спешу. Может, поднимемся ко мне, чайку попьем?

Ксения уже привыкла к новой знакомой. Уродство – вещь субъективная. Мы тоже кому-то не нравимся. Была бы душа

благородная.

Паучиная кенгуру согласилась.

Но стоило им сделать три шага, как навстречу выползла из-за угла червячина длиной четыре метра. Она волокла за собой контейнер с лягушатами.

При виде Ксении и паучиной кенгуру она зашипела. Но несчастных женщин она не испугала. Они уже поднакопили жизненный опыт.

– Простите, – спросила Ксения, – вы, случайно, не несчастная жена одного развратника?

Червячина громко зарыдала и произнесла:

– Он икру черт знает с кем оплодотворяет. Я этого не вынесу!

А паучиная кенгуру тихо сказала:

– Велика Вселенная, а нашей сестре везде плохо.

И женщины пошли пить чай втроем. Им было о чем поговорить.

ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВУНДЕРКИНДА

Я никогда не ставлю подзаголовка – «фантастический рассказ».

Дело читателя решать, фантастичен ли рассказ или только притворяется. Но сейчас я сделал это совершенно сознательно. Потому что в рассказе, в сущности, нет ничего фантастического, кроме поведения героев.

Не исключено, что изобретение, кажущееся маловероятным, на самом деле уже выпускается в серии фабрикой в Осаке или Тайпее. Не говоря уж о планете Марс.

Виновата была, как всегда, Ксения Удалова.

Ей хотелось, чтобы ее внук Максимка воспитывался как аристократ. Но так как денег послать его в Оксфорд у нее не было, она принялась осуществлять аристократизм в пределах Великого Гусяря.

Как-то у Удаловых ночевал один пришелец, которого Корнелий Иванович подобрал в лесу в прискорбном состоянии, почти без чувств от голода и страха перед дикими животными.

Особенно его испугал заяц, который прыгал.

Пришелец спрятался под большой подосиновик и там постепенно умирал.

К счастью, Корнелий пошел в то утро по грибы и срезал именно тот подосиновик.

Когда пришелец увидел, как в ничтожном расстоянии от его головы сверкнул громадный нож, он окончательно потерял сознание.

Удалов перевернул гриб и понял, что он уже червивый.

Он размахнулся, чтобы выбросить его, и тогда заметил, что рядом с пеньком грибной ноги лежит без чувств инопланетный пришелец ростом десять сантиметров, похожий на стройного очаровательного розовенького слоника с мохнатыми ушками и хвостиком таким закрученным, что любой поросенок умер бы от зависти.

– Этого еще не хватало, – вздохнул Удалов. – Теперь, считай, вернусь без грибов. Нельзя же оставлять в лесу брата по разуму, которого любой заяц обидеть может.

Удалов положил беспомощного пришельца в корзину, накрыл свежими листьями, чтобы не дуло, и, чертыхаясь, пошел домой.

Дома Ксения тоже сначала поворчала немного – ну что за манеры! Ни дня без пришельца!

Но потом пригляделась к несчастному созданию и занялась его обустройством.

Когда дня через три пришелец пришел окончательно в себя и обжился в доме Удаловых, он признался, что прилетел на Землю по ошибке. Собрался на планету Симля в системе Большого Страуса, а компьютер, который работал в Спра-

вочной всего вторую неделю, загнал его на дикую Землю, где даже зайцы представляют опасность для материализатора второго класса.

Когда же подошел срок расставаться, гость спросил Ксению, которую почитал вождем стаи Удаловых, что бы ей подарить.

Ксения попросила сроку до завтрашнего дня.

Она страдала комплексом той самой старухи.

Если получала лужу, просила озеро, если давали озеро, требовала море, а вместе с морем требовала и золотую рыбку, чтобы ее поджарить на оливковом масле.

Это свойство характера часто заводило Ксению в дебри житейских неувязок. Зачастую приходилось выкручиваться с помощью соседа, профессора Минца.

Пока все в доме, включая пришельца, спали, Ксения сидела на кухне, хлестала кружками чай и думала, как бы не продешевить. Ведь хотя пришельцев в Гусяре бывает немало, редко кто живет в доме и готов за это платить по межпланетному тарифу.

Притом Ксению нельзя назвать слепой эгоисткой. Она всегда о ком-то заботится.

Утром она спросила Тишу – так любовно звали в доме пришельца, настоящего имени которого Удаловым не удалось произнести:

– А ты только мелкие вещи можешь дарить или размер не играет роли?

– Ах, милая Ксения, – сказал Тиша. – Разве размер играет роли для истинных чувств?

Он сидел на теплых мягких коленях Ксении, а она почесывала его под хоботком.

– Тогда сообрази мне инструмент, – попросила Ксения. – Для внучонка Максимки.

– Интересно, – ответил прищелец. – Инструмент для какой цель, не правда ли? Молоток?

– Не дури мне голову, – огрызнулась Ксения. – Я тебе сейчас покажу молоток!

Она шлепнула прищельца, тот свалился на пол, немного ушибся, но не обиделся, так как решил, что сам виноват.

– Ответь на некоторый вопрос, да? – произнес прищелец. – Для чего есть инструмент твой глупый ребенок-внук?

Я вам говорил, что Тиша – знаменитый у себя на родине филолог?

– Инструмент – это пианино или рояль, только небольшой, – объяснила Ксения. – Чтобы играть на нем. А то в мире продажности и коррупции в наше тяжелое время нам нечего показать товарищам по музыкальной школе, которые понавыписывали себе «Стейнвеев» с Тайваня.

Тиша отнесся к просьбе Ксении внимательно и серьезно. Они сходили с ним в универмаг, в отдел музыкальных инструментов, в библиотеку, где пролистали классический труд фон Браухица «История производства кабинетных роялей в герцогстве Саксен-Веймар в конце XVII века». Прав-

да, труд этот был по-немецки и лишь случайно уцелел, когда крестьяне жгли библиотеку помещика Гулькина, англомана и тевтонофила. Прочесть его смог только слоник Тиша, но страницы за него переворачивала Ксения.

Когда на обратном пути они заглянули к Александру Грubbину, недавно собравшему неплохой компьютер из обломков разбившегося в лесу беспилотного космического корабля со Свекарсы, тот позволил полюбившемуся ему Тише проглядеть всю информацию, касающуюся роялей и пианино.

Вечером слоник Тиша спросил Ксению:

– Какова есть цель вашего обучения внука Максимка-джуниора классической музыка, да?

– Ясное дело, люблю мою кровиночку, – призналась Ксения.

– Попрошу не лгать, женщина, – остановил ее пришелец, – говорить истину.

– Ой, Тиша, – вздохнула Ксения, – ну куда деваться ребенку, если вокруг каждый норовит своего сделать или олимпийским чемпионом, или скрипачом Коганом? Мы – общество неравных возможностей. Завтра сын Махмуда с нашего рынка будет с английской принцессой за ручку, а моему придется спину гнуть на макаронной фабрике. Разве такое можно вытерпеть?

– Есть способности у твой внук, да? – спросил прозорливый Тиша.

– Способности у него выдающие, – ответила Ксения. –

Я по докторам водила, все признались. Но без инструмента разве потянешь? У всех инструменты, а у нас «Красный Октябрь» напрокат, понимаешь разницу?

– Я с тобой морально согласен нет, – сказал Тиша. – Но моя обязательства благодарность заставляют молчать. Твой инструмент должен дать преимущества гениальный заткнутый в угол ребенок.

– Ты совершенно прав, Тиша.

– Инструмент должен быть лучше всех в городе.

– Конечно! Ты только представь, Кругозоровы выписали фортепьяно с Канарских островов. Знаешь почему? Потому что на нем играл писатель Хемингуэй. Ты такого знаешь?

– К сожалению, я не имею счастье.

– Мне тоже не повезло, – сказала Ксения.

– Я пошел, – сказал слоник.

– Куда ты на ночь глядя?

– Буду производить использование возможностей твоего соседа Александр Грубин для материализации.

– Так достанешь инструмент?

– Посмотрим, – сказал пришелец.

Через час посреди гостиной, то есть большой комнаты в квартире Удаловых, стоял скромного вида кабинетный рояль с надписью «Стейнвей» над клавиатурой.

Рояль был таким совершенным в линиях, таким благородно сверкающим, что ясно было – перед внуком Ксении открывается дорога.

– Вот такой муж, как ты, мне и нужен, – сказала в шутку Ксения пришельцу. – Не возьмешь меня?

Слоник сидел на коленях Ксении, прижавшись хвостиком к ее животу. Он не понимал шуток.

– Ты меня сексуально озадачиваешь, – сказал он низким голосом. – Но есть возможность. Подумай! На одной планете, место не называю, есть нелегальная преступная практика, там превращают людей из рас в расу. Можно сделать из тебя мне пару.

– Из меня? – обиделась Ксения. – Такую, как ты, микроуродину? Да ты озверел, Тиша!

– Не я предлагал, мне есть предлагал женщина себя.

– Помолчи, – остановила его Ксения. – Не забывай, что я замужем, и по нашим земным законам мой муж Корнелий имеет право меня задушить, если найдет у меня не тот платочек.

– Задушить! Оу!

Ксения сказала и испугалась. В жизни Удалов на нее палец не поднял, да и попробовал бы только поднять! Мы бы посмотрели, что от него осталось. Но ведь бывают с людьми мистические перемены.

Она погладила блестящий бок рояля. Он был теплым. Теплее, чем обычно бывают рояли.

Потом Тиша протянул Ксении пачку долларов. Небольшую, конечно, но для пришельца тяжелую. Он сгибался под ее тяжестью, словно держал матрас.

– Это еще что! – возмутилась неподкупная Ксения. – Я же в прошлом советский человек! Меня не купишь. А сколько здесь?

– Триста сорок, – ответил Тиша. – Во столько независимая оценочная комиссия оценила ваш старый инструмент, который мне пришлось дематериализовать. Чтобы этот материализовать. Надеюсь, вы окажете мне честь и примете от меня эта сумма, да!

– Поняла, – быстро ответила Ксения и вырвала зеленый матрас у жилья, пока тот не передумал.

Но спрятав деньги, расстроилась.

– Неужели «Красный Октябрь» со знаком качества так дешево идет?

– Где как, – терпеливо ответил пришелец. – Говорят, на Новой Гвинее на них еще есть спрос.

– Так чего ж ты его дематериализовал? Лучше бы туда перегнал.

– А новый инструмент вам обойдется... – начал пришелец, но Ксения его не стала слушать.

– Дай-ка я попробую. Мало ли что мне подсунули. Она села за рояль, приоткрыла крышку, провела по клавишам толстыми пальцами. Получилось громко.

– Уж больно здоровый, – сказала она, – мальчонке не дотянуться.

– Он немного понимает, – сказал пришелец. – Он будет идет навстречу пожеланиям молодежи.

– Это в каком смысле?

Рояль вздохнул, и звук этот донесся до слуха Ксении.

– Вы его не обижайте, – сказал пришелец. – Он есть биологический инструмент.

– Послушай, – сказала Ксения. – Если он живой или что такое – то лучше возьми его обратно. А то он в один прекрасный день Максимку задушит.

Рояль вздрогнул. Внутри загудело.

– Даже вещь бывает возмущена, – ответил Тиша. – Даже вещь, да!

И он объяснил Ксении, что живых роялей не бывает, так как это противоречит природе. Но некоторую долю сознательности можно придать любой вещи, выходящей на контакт с человеком, потому что все в природе является сложным единством противоположностей и вещь как дрессированное животное может вставать фигурально на задние лапы, только не надо понимать этого буквально.

Ксения не поняла этого буквально, потому что совсем не поняла.

Вместо того чтобы понимать, она гладила рояль и ждала, когда этот пришелец уберется восвояси и отстанет со своими разговорами.

Тут пришел Удалов, он собрался в лес, проводить пришельца до спасательного корабля, увидел рояль и удивился.

– Ничего особенного, – сказал пришелец, – есть некоторый сувенир для вашего маленького гений.

– Пора ребенку настоящий инструмент, – сказала Ксения.

Удалов дома не спорил, знал о бесполезности этого занятия. Взял прищельца за пазуху, и они пошли в лес, разговаривая о пустяках, как добрые знакомые. Прищелец не звал Удалова в гости, потому что Удалову на его планете все будет мало, включая туалет.

А тем временем Ксения привела из школы мальчика. Максимке восемь лет, самое время тренироваться на пианиста.

Мальчик при виде рояля оробел, такого он не ожидал. Пианино «Красный Октябрь» было пределом мечтаний. «Стейнвей» стоял только у Махмудовых, Сеньненков и Кругозадовых. Но ведь их детей в музыкальную школу перевозили из теннисного клуба прямо в «Мерседесах».

– Садись и играй, – сказала Ксения.

Мальчик внешне покорно, но на самом деле внутренне сопротивляясь, как бычок, которого манят на бойню, подошел к инструменту и сел.

– Нравится? – спросила бабушка.

– Чего? – спросил внучек, который думал о том, что Степка Рыжий недостоин того, чтобы быть капитаном футбольной команды, потому что откусил половину мороженого у Верки, все видели.

– Ты не видишь, за кем сидишь? – строго спросила баба Ксения.

Внуку ничего не оставалось, как увидеть и признаться.

– Ты счастлив? – спросила бабушка.

Максимка промолчал, потому что не знал, что выгоднее. Признаешься, что счастлив, заставят играть с утра до вечера, чтобы потом на концерте выступать. Так уже было, только не с Максимкой, а с Гошей Лупманом, его выставили на концерт, он простудился и умер.

Эту легенду рассказывали друг другу первоклассники в музыкальной школе, пугали друг друга, чтобы не учиться изо всех сил.

С другой стороны, скажешь, что несчастлив, накажут за нечуткость.

Максимка развернул ноты надоевшего и непонятного этюда Гедике и принялся тыкать пальцами в клавиши.

Клавиши отзывались нежно и трепетно.

Ксения с любовью смотрела на эти пальчики, не отмытые от варенья, потому что Максимка недавно лазил без ложки в банку, темные от грязи, которую он кидал в проходящую вредную бабку, исцарапанные в драке с Нюркой из соседнего двора, которая слишком много о себе воображает, эти пальчики летали над клавиатурой как ласточки, отчего этюд становился изящным, как ноктюрн Шопена, о котором Ксения и представления не имела, хотя любила прекрасное.

– Максим, ты с ума посходил! – закричала с порога его мать. – Отойди от пианины, ломаешь к чертовой матери!

Она сразу посмотрела в корень и поняла, что ребенок калечит случайно попавший в дом чужой и ценный инстру-

мент.

Ксения сначала захохотала, а потом волчицей бросилась на защиту внука, благо уже была уверена, что купила рояль на свои, кровные, пенсионные деньги. И разубедить ее было некому.

Мальчик тем временем потихоньку слез со стула и убежал на двор играть в футбол. Несмотря на удивительные условия, созданные ему инопланетянином, играть ему не хотелось. Физические упражнения тянули его к себе куда сильнее.

Но его страдания не закончились.

Когда все в доме поняли, что их рояль обошел по классу все рояли состоятельных гусярских семейств, оказалось, что мальчика надо демонстрировать как чудо.

Ведь не будешь демонстрировать рояль.

В городе говорили так:

– Удаловы-то на все идут. Еще бы, у них Максимка в консерваторию поступает. Прямо из первого класса. Берут. Несмотря на конкурс. Говорят, будет новым Ростроповичем.

– Не дай бог! – отвечали другие. – У него жена такая энергичная!

– Рано, – отвечали первые, – рано ихнему Максимке жениться. Сначала надо образование получить. В армии отслужить, а потом уж на этой женщине жениться.

Такие философские споры никогда не кончаются добром. Гусярцы лезли драться, но это не решало проблем.

Заглядывали некоторые люди, из богатых. Смотрели на рояль, удивлялись и даже предлагали деньги. Максимкины родители продали бы инструмент, но не могли – Ксения не велела.

А потом случилось такое, что и они расхотели с инструментом расставаться.

В школе были экзамены, а у Максимки – свинка.

Болезнь для детей безопасная, но в школу ходить нельзя. И экзамен перенести нельзя.

И тогда было принято решение: ввиду того, что школа имеет дело с редким дарованием, провести экзамен дома.

В музыкальную школу Максимка ходить перестал. Мотивировал это слабым здоровьем. Бабушка, души в сорванце не чаявшая, конечно же, поддержала внука. Родители Максимки в музыке не разбирались, но с нетерпением ждали момента, когда Максимку позовут к себе американцы и они купят себе дом в Калифорнии.

Как-то Удалов решил понаблюдать за внуком – как он готовит себя к великой участи.

Сел за его спиной, незамеченный.

Оказалось, что ребенок не всегда успевает за музыкой. А бывает, вместо аккорда ткнет по клавише, а рояль издает пышный благородный аккордный звук. А если Максим промахивается по клавише, она сама ужимается и звенит, старается.

Так что играет не внучек, а играет за него сам рояль. А

это неправильно. Так великим Шопеном не станешь.

А затем, когда ребенку по незнанию бабушка поставила на пюпитр ноты немецкого композитора Шуберта, к которому первоклассников и не подпускают, чтобы не отбить навсегда стремление к музыке, он так их выбарабанил, что снизу пришел сосед профессор Минц и спросил, что за пластинку Удаловы поставили. Что играют – он понял, а какой из выдающихся пианистов – не догадался.

После этого мальчонка возгордился, а Удалов встревожился.

Ему не стоило труда сообразить, что успехи Максимки связаны с подарком пришельца. Ведь пришельцы устроены иначе, чем люди. Они и о педагогике думают не по-нашему. Что-то в этом рояле было такое, что помогало Максимке достигать вершин.

А ему что? Он как услышал всякие хвалебные слова, то стал считать себя пианистом, даже в футбол играть прекратил, чтобы почаще стоять рядом с роялем.

Рояль тоже привязался к мальчику. При виде его вздрагивал, сдержанно и гулко гудел всеми струнами и даже немного переступал толстыми деревянными ногами, как трехногий конь в ожидании рыцаря.

В музыкальную школу Максимка перестал ходить, ссылаясь на слабое здоровье, и как назло его поддержала и бабушка, души в нем не чаявшая. Родителям было плевать на музыку, но не плевать на доллары, которые Максимка зарабо-

тает, когда они все переедут в Штаты.

Удалов как-то проследил, как Максимка тренируется. Он увидал, что Максимка не всегда поспевает за музыкой. А когда ему трудно растягивать пальчики, чтобы изобразить аккорд, он просто тыкал одним пальцем в клавишу, а рояль издавал аккордный звук. А если Максимка промахивался по клавише, рояль сам себя ударял!

Удалов сказал мальчику:

– Нехорошо, Максим, старших обманывать.

– Никого я не обманываю! – возразил Максимка лживым голосом.

– Не умеешь ты играть своего Шуберта-Шостаковича.

– Умею.

– Проверим?

Максимка уверенно уселся за инструмент и велел деду открыть ноты. В нотах он немного разбирался, поэтому для начала раза два ударил правильно. А потом – пошла писать губерния! – Максимка барабанил по клавишам как желал, а рояль послушно изображал то, что было написано в нотах, словно у него были дополнительные глаза.

– Ну как, я убедил тебя, дед? – спросил мальчик.

– У меня встречный вопрос: ты намерен всю жизнь со своим роялем выступать?

Мальчик задумался и думал целую минуту. Вы должны простить его, ведь он только начинал творческий путь.

– Пожалуй, я буду выступать со своим роялем, – сказал

он. – Я люблю эту машину, и она ко мне тоже неплохо относится.

Рояль покачнулся и притопнул ногой.

– Ох уж эти дары пришельцев! – вздохнул Удалов. – Хочешь, в универмаг сходим?

– А зачем? – спросил мальчик.

– Слышал я, что туда новые автомобильчики из Германии привезли.

Максимка любил автомобильчики куда больше рояля. И конечно же, заспешил в магазин вместе с дедом.

Но деду плевать было на автомобильчики. Он провел мальчика через закуток, где стояли музыкальные инструменты.

– Кстати, – сказал Удалов, – хочешь со мной поспорить на пять автомобильчиков, что на этом вот пианино ты не сыграешь?

– Почему? – Мальчик возгордился, а возгордившийся человек склонен переоценивать свои возможности.

– Потому что за тебя рояль играет, детка, – сказал Удалов. – Я видел, как он это делает.

– Дед, ты жалкий завистник, – сказал мальчик. – Семь автомобильчиков!

– Шесть.

На этом порешили.

Удалов пошел к продавщице, что томила в углу над романом Сидни Шелдона о красивой жизни на Багамах, и она

сказала:

– Пробуйте, только чего не отломайте.

Максимка мельком взглянул на ноты и начал бить по клавишам.

Он бил, а они издавали противные звуки. Он бил сильнее, и клавиши вопили все противнее. Даже продавщица отложила роман на самом трагическом месте и сказала:

– А ну, граждане, хватит издеваться над ценным товаром.

Обратно они шли медленно. Максимка крутил в руках автомобильчик и совсем не переживал.

– Не быть тебе Рихтером, – сказал Удалов ребенку.

– Ну и слава богу, – ответил мальчик. – Меня куда больше волнует карьера Ринальдо или по крайней мере Пеле. Честное слово.

– А как же консерватория?

– Конечно, хорошо, когда тебе хлопают в ладоши тридцать человек, – разумно ответил Максимка. – Но когда сто тысяч кричат «Максим чемпион!» – это звучит!

– Надо будет от рояля отделаться, – сказал Удалов, – иначе это кончится позором. Давай его в музыкальную школу пожертвуем.

– Дед, ты обалдел, – возразил мальчик. – Они же там такую липу начнут качать, что школа на первое место по России по гениям выйдет. А потом все пойдут по этапу.

– Разумно, – согласился Удалов. Он порой удивлялся здравому смыслу малыша.

– Надо олуха найти, – сказал мальчик.

И тут олух к ним подошел сам.

– Какой хороший мальчик, – сказал олух. Был он хорошо одет, причесан-напудрен, а «Мерседес» с голливудскими номерами, которые вводили в восторг местную милицию, ехал в десяти шагах сзади.

Порой Удалову казалось странным, как в Великий Гусляр попадали такие ответственные люди и что они там делали. Никаких минеральных богатств гуслярские окрестности не имели, баобабам похвастаться не могли, крокодилы там уже вывелись... Значит, к чему-то они готовились. То и дело по посредственным улицам Гусляра проносились кавалькады или отдельные джипы. Некоторые даже оседали здесь.

Профессор Минц высказал соображение, что эти люди, стараясь расширить сферу применения своих капиталов, ищут контакты с инопланетянами, которые посещают Гусляр. Но доказательств этому не было, а владельцы джипов ни в чем не сознавались.

– Мальчик играет на фортепьяно? – спросил олух. На вид ему было от двадцати до пятидесяти лет – кожа гладкая, натянутая на лицо, ни морщинки, ни сомнения.

Не дождавшись ответа, пришелец продолжал без обиды:

– У меня тоже мальчик талантливый. Ни дня без Баха, сечешь?

Удалов молчал. Максимка тоже молчал. Оба думали.

– Но с инструментом туго. Говорят, у вас настоящий

«Стейнвей», так сказать? А у нас пока дожدهшься, что из Австралии привезут, мальчик вырастет, в футбол играть начнет. Послушай, Удалов, продай мне рояль. Я тебе хорошие деньги дам и «Красный Октябрь» в придачу.

– Сколько? – спросил Удалов.

– Вот это мужской разговор. Получишь «Красный Октябрь» и пятнадцать долларов в придачу.

Олух сделал паузу, а его охранники захихикали из восхищения перед умом работодателя.

Другой бы на месте Удалова возмутился или даже стал бы хохотать в лицо наглому олигарху, но Удалов прожил долгую советскую жизнь, и его так просто не запугаешь.

– Значит, так, – сказал он, садясь на лавочку, мимо которой они проходили. – Три тысячи зеленых на бочку и учтите – наш рояль заколдованный. Он играет не по способностям, а как положено.

– Именно это мне и нужно, – сказал олух. Ему пришлось остановиться и разговаривать с Удаловым стоя, словно перед учителем. Это ему не нравилось, но пришлось терпеть. – Тридцать долларов и «Красный Октябрь».

– Три тысячи долларов и оставь себе «Красный Октябрь».

– Вместо «Октября» импортные ролики моего размера, – добавил Максимка.

Олух смотрел на обывателей сверху и желал им смерти. Но был бессилен.

– Сорок долларов, – сказал он.

– Три тысячи.

Удалов получал удовольствие. Он торговал инопланетной штучкой, и притом спасал внука от музыкального образования и наказывал Ксению, которая могла бы попросить у пришельца что-нибудь более полезное в хозяйстве, например, путевку на Канарские острова.

– Сорок два.

Удалов подумал: вот мы придумываем анекдоты про новых русских, и они в этих анекдотах выступают такими наивными и широкими душой. А на самом деле новый русский за десять копеек продаст родную маму. Когда-нибудь вы слышали, чтобы за «Стейнвей» в рабочем состоянии предлагали сорок долларов?

– Пошли, внучек, – сказал он, – мороженого покушаем.

Но с места не сдвинулся. Это была психическая атака. И олух, конечно же, не устоял.

– Выпиши ему бабки, – приказал он секретарю в бронежилете, который сидел в «Мерседесе» с ноутбуком на коленях.

Поговорили о деталях.

Рояль решили брать, когда Ксения отлучится на курсы аэробики. Ей хотелось в последнее время выглядеть помоложе, чтобы показать воображаемым молодым любовницам Корнелия Ивановича, насколько они уступают старой гвардии.

Подогнали кран.

В присутствии профессора Минца и Грубина Удалов пересчитал деньги – до конца стороны друг другу не доверяли.

Мальчик Ваня, сынок олуха, уже подъехал на золотом самокате, сделанном по спецзаказу на заводе «Роллс-Ройс».

Он смотрел на Максимку с презрением.

Максимка вообще на него не смотрел. Он думал о роликах.

Родители Максимки были на работе, и хорошо, потому что еще неизвестно, как бы они отнеслись к отказу от музыкальной карьеры единственного сына.

Рояль уехал в зеленом трейлере.

Удалов с мальчиком собрались снова в универмаг, чтобы не откладывать на потом покупку роликов. Деньги могли исчезнуть. Придут остальные члены семейства и все конфискуют. Бывало. А ведь нужны не только ролики, но и новый спиннинг для дедушки.

Удалов с Максимкой, усталые, но довольные, вышли из дома и отправились через двор к улице.

И тут с неба опустилась небольшая летающая тарелочка с двумя дезинтеграторами в носовой части.

Удалов посмотрел, как из корабля выходят пришельцы, и подумал, как хорошо, что я успел доллары припрятать.

– Подарки получили? – спросил первый и самый главный пришелец с двумя хоботками, наверное, генерал.

– Вы имеете в виду рояль? – наивно спросил Удалов.

– Не имеем знать название, – сказал генерал.

– Так если вы имеете в виду, то мы поменялись, – сказал Удалов, – потому что у нас был вполне достойный инструмент «Красный Октябрь». Как бы пошли на улучшение.

– Это нельзя, – строго сказал генерал. – Мировой закон нераспространения передовых технологий на отсталые планеты. Могут быть использованы в дурных целях наверняка. Способность инструмента уже отменена.

– Я с вами согласен, – сказал Удалов.

– Тогда дайте адрес для конфискации.

– Не знаем мы адреса.

Разговор зашел в тупик. Летающая тарелочка реяла перед лицом Удалова и не улетала, потому что генерал с той планеты не выполнил задания своего правительства. Но что делать дальше – никто не знал, не идти же подряд по трехэтажным краснокирпичным коттеджам, что выросли по окраинам Гусяря?

Но невдомек было Удалову и пришельцам, что именно в это время неподалеку от них, в одном из коттеджей разворачивались драматические события.

Все олигархи и предприниматели Гусяря, включая руководство местной мафии, и отцы города собрались в скромно обставленной саксонским фарфором гостиной.

Посреди гостиной стоял рояль.

За роялем сидел отпрыск олуха Ванечка.

Его отец, собственно олух, в белом костюме с золотой це-

пью, вышел перед аудиторией и сказал, волнуясь:

– Мы давно, понимаешь, готовились. Даже инструмент купили. За бешеные бабки, блин.

Олух перевел дух.

Нанятый специально для этого случая профессор Вологодской консерватории (до 1990 года – музыкального училища имени Гризодубовой) открыл крышку рояля. Поставил ноты.

– Играй, – велел олух сыну.

Все заранее разразились аплодисментами, потому что олух был среди них самым богатым олигархом и контролировал общественные туалеты.

Отпрыск провел пальцами по клавишам.

Он был уже обучен нотам и потому ударял куда нужно.

Но Шопена из него не получалось. И сколько бы ни старался мальчик, рояль смог выдавить из себя лишь популярную некогда песню – «Чижик-пыжик, где ты, блин, был?»

В аудитории начали шептаться, а папа рассердился и немного ругался. Женщины на всякий случай ушли из гостиной. Некоторые вазы саксонского фарфора, что по-нежнее, падали на пол и разбивались.

«Чижик-пыжик» грозной симфонией гремел по всему дому.

И тогда олух приказал:

– Иван, долой от машины! Профессор, иди проверь, все ли там в порядке.

Олигархи и мафиози, которые на дух не выносили хозяина дома, стали посмеиваться и хихикать в кулаки.

Профессор сел за инструмент и принялся играть, что еще утром опробовал. Тогда получалось.

А сейчас не получилось.

Получился только «чижик-пыжик».

Тогда олух ударил профессора по голове кулаком, дал пинка под зад Ванечке и приказал охране:

– Топор!

Топор принесли в мгновение ока. Гости не расходились в ожидании редкого зрелища. Олух принялся рубить рояль «Стейнвей», гости потихоньку хлопали в ладоши. Профессор плакал. Олух рубил и сквернословил. И говорил, сквернословя, такую речь:

– Я до этого Удалова доберусь! Я из него, блин, котлеты сделаю! Он у меня пыль будет вылизывать в принадлежащих мне общественных сортирах.

Рояль взвизгивал, стонал и отчаянно сопротивлялся, даже пытался отбежать в угол.

Когда рояль уже был основательно покалечен и понял, что смерть его близка, он кинулся прочь из коттеджа и побежал вниз по улице, надеясь получить убежище у Удалова – больше он никого в том городе не знал.

И вы можете себе представить сцену во дворе дома № 16 по Пушкинской улице!

Посреди двора стоят Удаловы.

Перед носом у Корнелия Ивановича медленно летает туда и сюда тарелочка с неведомой планеты, из окон которой выглядывают милые военные слоники. Тут во двор вбегает нога рояля, за ней ползет часть клавиатуры, за которой множеством хвостов тянутся оборванные струны.

За этими жалкими остатками рояля во двор врывается известный нам олух с топором и пытается добить рояль, который прячется за Удаловым.

– Ах вот ты где мне попался! – закричал олух дурным голосом. – Ты мне что, блин, подсунул?

И в этот момент летающая тарелочка влетела в промежуток между лицом перепуганного Удалова и взъяренной рожей олуха.

И голос генерала с двумя хоботами раздался громко и су-рово:

– А ну, остановитесь немедленно, неразумный дикарь!

Неразумный дикарь опешил при виде маленького слоника с двумя хоботами, а зрители – то есть гости олуха, которые его догнали – захохотали, столпившись в воротах.

Но опомнившись, олух обратил топор против инопланетян, представителей гуманной и развитой цивилизации.

Как обратил, так и окаменел.

И гости его потеряли дар речи на три дня.

– Мне понятно, – сказал двуххоботный генерал, – что жадность доводит местных дикарей до страшных пределов. Поэтому мне придется вынести вердикт, который вы можете

опротестовать в высшем апелляционном суде Галактического Центра. Отныне вы никогда не сможете произнести ни одного дурного слова и будете с окружающими предельно вежливы. Понятно?

– Так кто меня уважать будет? – заплакал олух.

– Уважение достигается добрыми делами. Отныне вы будете стремиться совершать добрые бескорыстные поступки.

– Только не это! – зарыдал олух.

– За то, что вы пугали нашего друга Удалова и его внучонка, вы оставите ему свой топор.

– Ой! – завопил олух.

– И с этого момента чувство мести вас покинет и никогда к вам не вернется.

– Конечно, – согласился олух. – Извините.

Он протянул Удалову злополучный топор, а сам вежливо поклонился Корнелию и его внуку, а потом увел замолчавших гостей со двора.

Говорят, что недавно он, продав свой коттедж и оставив семью, уехал в индийский штат Керала, где обитает в ашраме, питается только рисом и кипяченой водой и славит Кришну.

Генерал и его спутники с тарелочки растворили в воздухе остатки рояля, попрощались с Удаловым и улетели.

Удалов поднялся к себе и хотел отнести топор в кладовку.

– погоди, дедуля, – сказал мальчонка. – Где-то мне по телевизору сказку показывали про золотой топор.

– Нет, – сказал Удалова. – Он же белого металла, в крайнем случае серебряный.

– Надкуси, – сказал мальчик.

Удалов надкусил. И подумал: а в самом деле, ему еще не приходилось в руках держать такого тяжелого топора.

Тут к ним поднялся профессор Минц, которому хотелось узнать про историю с роялем.

– Погоди, сосед, – попросил Удалов. – Что за топор?

Минц взвесил его на ладонях и сказал:

– Скорее всего платина.

Так Удаловы разбогатели. Оказывается, олух хранил все свои несправедливо награбленные капиталы в платиновом топор.

Летом всей семьей Удаловы поехали отдыхать в Анталию. Там их на второй день обокрали.

Но это уже другая история.

ГОРИЛЛА В БРОНЕЖИЛТЕ

1

Лет двадцать назад профессора Минца упекли бы далеко и надолго, если бы он сделал то, что сделал сегодня.

Как-то он прочел в газете «Гуслярское знамя» о печальной судьбе суматранских носорогов. По сообщению агентства Рейтер, их сохранилось не более дюжины, и они не могут размножаться по очень простой причине: самцу никогда не отыскать самку в джунглях острова Суматра и, значит, им никогда не создать семьи. Вот и бродят по горам и долинам полдюжины девиц и столько же молодых носорогов, а построить семью не могут – между ними сотни миль пересеченной местности.

Эта новость потрясла профессора Минца, но тут же она дополнилась еще одним известием: на прошлой неделе в овраге у селения Мачех найдены две гниющие туши молодых носорогов, которые все же перед смертью нашли друг друга. У трупов спилены рога.

Каждому было понятно, что это дело рук браконьеров, которые продают носорожьи рога в богатые дома Гонконга и Сингапура, потому что порошок из рога носорога обладает особым действием и поднимает мужскую потенцию. По

крайней мере последние две тысячи лет китайцы в это верят.

После обеда, когда удрученный Лев Христофорович Минц, надежда российской науки, временно проживающий в Великом Гусляре, глядел в окно на струи скучного октябрьского дождика, к нему вошел сосед Корнелий Удалов и спросил:

– Ты сегодня в «Аргументах и фактах» читал?

– Что я читал?

– Как на Шереметьевской таможне тюк распаковали, а в нем двести сорок редких бразильских попугаев – все сдохли! И виноватых, как всегда, не нашли.

– Этого я ожидал, – сказал Минц так убежденно, что Корнелий оторопел. И понятно: идешь к человеку с сенсацией на языке, а он, оказывается, уже все знает. Когда-то в детстве Удалов проходил в школе балладу поэта Николая Тихонова о Синем пакете. В ней человек несется через опасности в Кремль, чтобы донести до столицы важное сообщение. Еле живой он добирается до Кремля, там свет горит, потому что «люди в Кремле никогда не спят». Его проводят в кабинет к главному человеку. А тот вскрыл конверт.

Прочел, руки о френч отер,

Скомкал и выбросил на ковер.

Сказал, поднеся трубку к усам:

– Поздно, уж полчаса знаю сам!

Эта сцена отложилась в памяти Удалова. И сейчас он почувствовал себя точно как тот гонец.

Поэтому стоял в дверях и ждал продолжения беседы.

– Скоро, – произнес наконец Минц, – на Земле совсем не останется диких животных, кроме ворон, крыс и воробьев.

– Вот именно! – согласился Удалов. – И людей.

Минц резко обернулся к другу и соседу.

– С этим пора кончать! – заявил он. – А то некому будет кончить.

– А что конкретно? – спросил Корнелий.

– Конкретно поднимай народ, – сказал Минц.

– Кого?

– Кого? – Минц задумался. – Сашу Грубина поднимай, старика Ложкина, если он ко мне пойдет.

– Может и не пойти, он подозревает, что ты демократ, – сказал Удалов.

– Знаю. Кого еще? Савича попробуй позвать. Стендалю позвони на мобильник. А я буду срочно думать. Я уже начал думать.

Удалов по-военному повернулся на сто восемьдесят градусов и отправился выполнять приказание.

Не то чтобы Удалов подчинялся Льву Христофоровичу, но он ценил его ум, талант и бескорыстие, что теперь среди академиков встречается редко.

Через час в кабинете Минца собрались:

Пенсионер Корнелий Иванович Удалов, бывший начальник стройконторы и знаменитый человек в масштабах нашей Галактики.

Заслуженный пенсионер Ложкин Николай. Склочник.
Профессиональный правдолюб.

Провизор Никита Савич.

Александр Грубин, сосед снизу, человек сложной судьбы.

Миша Стендаль, до седин молодой корреспондент газеты
«Гуслярское знамя».

Минц уже соорудил чайник и поставил на столе крекеры
и македонское печенье. Из-за этого пришлось потеснить на
столе научную литературу, сбросить на пол принтер и часть
журналов.

Все расселись, разлили по чашкам чай, и тогда Минц про-
изнес речь:

– Я созвал вас, господа, по делу, не терпящему отлага-
тельств.

– Вот именно! – воскликнул Ложкин. – В наше тяжелое
время, когда экономика страны лежит в разрухе, а держава
в руинах, пора сказать свое решительное «нет» так называе-
мым демократам, без исключения агентам ЦРУ!

– Если кто-то пришел сюда, чтобы меня перебивать, – за-
метил Лев Христофорович, – он может покинуть наш зал за-
седаний. Не держим.

При этом Минц посмотрел на Ложкина, а Ложкин смот-
рел в угол. Ему хотелось участвовать, но быть в оппозиции.

– Я тут собрал в Интернете и по прессе сумму сведений, –
сказал Минц, – и пришел к выводу: если мы немедленно не
остановим истребление живого мира, то есть фауны, на Зем-

ле, мы останемся вообще без диких животных.

– Может, и к лучшему, – заметил Ложкин. – А то вот-вот всех перекусают, ротвейлеры вонючие!

– Не о них речь, – сказал Савич, владелец афганской борзой.

– Я не раз поднимал свой голос против истребления флоры и фауны на Земле, – продолжал Минц. – Ведь это ведет к гибели всего живого, в первую очередь человека. Но мой голос вопиющего в пустыне не был услышан. Вас это удивляет?

– Нет, – вразнобой ответили единомышленники.

– Надо защищать, понимаешь, – сказал старик Ложкин. – Детям в школах преподавать. Пускай растут с понятием.

– Когда вырастут, – сказал Грубин, запуская пятерню в поседевшую шевелюру, – нечего будет защищать.

– Средств у нас нет, – сказал Удалов. – Пока бьемся, бьемся, какой-нибудь капиталист сунет на лапу в горсовете – и нет заповедной рощи!

Это было горькое воспоминание. Городскую заповедную рощу вырубили в том месяце. Чтобы освободить площадку под казино. А то везде есть казино – и в Вологде, и в Котласе, и в Потье, а в Гусяре нет казино!

Вырубили, а чины из гордома объявили, что сделано это не за взятку, а для профилактики, чтобы шелкопряд не заводился.

Ни больше ни меньше.

Тут все и заткнулись. Разве против шелкопряда попрешь?

– Займемся фауной, – сказал Минц. – У меня в этом направлении есть глобальная идея.

– Говори, друг, – сказал Удалов.

– Колитесь, Лев Христофорович, – поддержал его Стендаль.

– Подумайте, – сказал Минц, – из-за чего гибнут в первую очередь животные? Да потому, что людям что-то от них понадобилось. Жил соболь, да шкурку красивую заимел, топал себе носорог, да какому-то похотливому китайскому старцу вздумалось понежиться в постельке с любовницей. Бегал себе страус, летала райская птица – видите ли, их оперение полюбилось дамам света и полусвета. И так далее. Я прав?

– Прав, прав! – прокатилось по комнате.

– Что надо сделать, чтобы спасти животных? Усилить охрану? Да сами охранники их в первую очередь приشلепнут, потому что охотники с ними готовы поделиться, а у работников заповедников никогда не бывает достойной зарплаты.

– Утяжелить, – вмешался Ложкин.

– Что утяжелить?

– Наказание, ясное дело, – уточнил Ложкин. – Как увидел, что шкуру снимает с барана, с самого шкуру снять. Рога срезал, свои отдай!

– А если нет у меня рогов? – спросил Грубин.

– У каждого мужика есть рога, только не у всех видны.

Спорить с Ложкиным не стали. По большому счету он был

прав.

Но к делу это не относилось.

– Ассигнования нужны, – сказал Стендаль. – Об этом многие пишут. Заповедники расширять, машины им давать, компьютеры...

– Разворуют, – не согласился с ним Ложкин.

– Ну ладно, хватит споров, а то мы превратимся в Организацию Объединенных Наций. Ни шагу вперед... – сказал Минц. – Я нашел более простой и эффективный путь.

– Так говори же, друг, говори! – взмолился Удалов.

– Надо отнять у животных то, ради чего их убивают! – воскликнул Лев Христофорович, и никто его не понял.

– Как отнять? – был общий крик.

– Я попрошу конкретнее, – сказал Стендаль. – Мне же отчет в прессе надо выдавать.

– А вот в этом я не уверен, – сказал профессор. – Черт его знает, стоит ли начинать нашу деятельность с пропаганды и рекламы.

– А как же? – удивился Стендаль. – Кто же нас тогда финансировать будет? Откуда потечет спонсорский капитал?

– Спонсорский капитал, – сурово произнес Минц, – потечет из наших пенсий и добровольных взносов.

– Так не пойдет, – сказал Ложкин. – У меня пенсия персональная. А у вас простые.

– Многого я не попрошу, – сказал Минц. – Есть одна идея...

Ложкин с шумом отодвинул стул и тяжело пошел к выходу.

– Я думаю, что мы обойдемся малой кровью, – сказал Минц. – А Ложкина мне хотелось испытать. Испытания он не выдержал.

– А ты думал, выдержит? – спросил Удалов, и все засмеялись.

– Позвольте, тогда я изложу вам свою общую идею. Конкретизировать ее мы будем в ходе эксперимента.

Странные, загадочные и зловещие события привлекли к себе внимание Интерпола и национальных служб на разных континентах.

Сегодня уже трудно определить их последовательность, но независимо от этого они сначала казались не связанными между собой, а потом некоторые связи все же обнаружились.

Пожалуй, первым по времени из событий можно считать последствия смелого замысла Федора Ассобакина, который сказал своему другу Прохору:

– Есть идея.

– Клади на стол.

– В Ханты-Мансийске газовики живут, им бабки некуда девать.

– Возьмем, – обрадовался Прохор.

– А они не отдадут.

Прохор растерялся. Не привык, чтобы ему противоречили.

– А чего? – спросил он.

– А того, – ответил Ассобакин.

И друзья отправились за Полярный круг, где вошли в преступный сговор с вертолетчиками и полетели на заповедные гнездовья диких гусей. С помощью пулеметов они отстреляли значительную часть популяции этих редющих птиц, за-

грузили ими машину и вернулись к газовикам, которым и сбыли товар.

В тот же вечер весь Ханты-Мансийск употреблял гусей под водку.

Мясо оказалось странным на вкус, но это неважно, потому что в качестве закуски и невкусное мясо проходит.

Однако, помимо сомнительного вкуса, это мясо обладало странным свойством, которое проявилось только ночью, ибо от пожравших гусятины пошел такой запах гнилой рыбы, что находиться с человеком в одном помещении было невозможно.

На глазах распались семьи, даже такие, что создавались десятилетиями, возлюбленные бросали друг друга и удалялись в тайгу, погибали под укусами мошки, но не возвращались. Когда утром остатки трудового населения столицы газового края отправились на службу, то до службы никто не добрался. Вонь, вошедшая вместе с ними в автобусы, заставила водителей покинуть рабочие места.

Говорят, что один из крупных деятелей мансийского бизнеса застрелил свою секретаршу, которая принесла ему чай. Или она, или чай пахли не тем.

К девяти утра у всех, кто питался гусями, начали расти перья из ушей.

Месть газовиков и буровиков настигла Ассобакина и его друга Прохора на краю летного поля, где они делили с вертолетчиком прибыль. Мстители, задыхаясь от рвотных присту-

пов, несправедливыми купюрами заткнули рты авантюристов.

С тех пор в Ханты-Мансийске не едят не только гусей, но и кур.

Большинство же населения газового края подались в вегетарианцы.

Эта история канула бы в вечность, если бы не сотрудник заповедника Птичьих скалы, на территории которого и резвились покойные авантюристы. Он заявился для дачи показаний в горотдел милиции и в ответ на обвинения в недостатке бдительности сказал, что за несколько дней до налета грабителей на территории заповедника появился человек с мешком, который рассыпал порошок у гнездовой и на все вопросы отвечал, что работает по международной программе «Избавим Север от насекомых». Сохранилась и фотография пришельца, изображавшая пожилого круглолицего мужчину в кепке. Но ведь таких много!

Следующим тревожным событием стала эпидемия на островах Рюкю в районе Японии. Ее источником был теплоход «Адмирал Колчак» (бывший трофейный лайнер «Матрос Дыбенко»). Этот лайнер вез российских туристов круизом от Мальдивских островов до Гавайских. В пути теплоход проходил сквозь места, где водятся редкие породы китов.

Многие профессиональные туристы-круизеры с интересом и симпатией относились к пожилому туристу из городка Великий Гусляр, оказавшемуся впервые в настоящем океане. Особенно сдружился с Корнелием Ивановичем Юрий Ми-

тин, который совершал на этом теплоходе уже сорок второй круиз. Юрий Митин был пенсионером-коллекционером, и ввиду того, что его пенсия была невелика, он собирал монеты, глядя под ноги в зарубежных государствах. Наиболее перспективными ему казались города, в которых были спецфонтаны, предназначенные для того, чтобы сентиментальные туристы, не сумевшие ухлопать все свои сбережения в данном городе, кидали в них монеты. Корнелий Иванович из Великого Гусляра, как и Митин, томился безденежьем, когда единственным стоящим развлечением была бесплатная сытная кормежка.

– Слушай, Корнелий, – говаривал Митин во время долгих переходов от Мальдив до Маскарен и от Маскарен до Андаман, – что ты все за борт сыпешь? Не хочешь же ты отравить наш последний океан?

– Подрядился для Института правильного питания планктон подкармливать, – с доброй улыбкой отвечал Корнелий Иванович, сдвигая на затылок панамку и вытирая потный лоб.

Особенно активен становился Корнелий Иванович, когда на горизонте показывались фонтаны китов. Тут его даже Митин не мог оторвать от борта. И Удалов сыпал за борт, спал и еще раз сыпал.

Наивный Митин, поверивший сокруизнику, не знал о том, что в районе Гавайских островов проплывающее стадо редчайших полосатиков увидели с китобойного судна «Цуси-

ма-мару» и в течение двух часов перебили его, хотя в трюмы они могли вместить не больше четырех китов. Но японские китобои опасались, что если кто-то из китов останется в живых, он доведет до сведения китоохраняющих органов сообщение о зверствах японских китобоев.

С грузом китового мяса «Цусима-мару» вошла в порт на острове Рюкю, и вскоре мясо было выгружено в холодильники.

И не успел «Адмирал Колчак» возвратиться домой в Одессу, как китовое мясо поступило на рынок островов.

Стоило человеку или иному животному съесть кусочек китового мяса, как у него начинались судороги и рвота.

Санитарная инспекция Рюкю запретила употребление мяса полосатиков в пищу, а также приказала выбросить весь улов в море.

Владелец «Цусима-мару», разоренный решением медиков, решил прилюдно разоблачить их как орудие в руках конкурентов. Он велел приготовить котлету из китового мяса и прилюдно, при стечении народа, ее сжевал.

– И что вы на это скажете? – спросил он.

Толпа рукоплескала.

А капитан упал на помост и больше никогда не поднялся.

Нет, он не умер, но превратился в некое подобие кита, выброшенного волной на берег. Теперь он обитает в большом бассейне и занимается тем, что украшает его разнообразными камнями, которые приносят ему посетители, привлечен-

ные чудесной и трагической историей этого достойного человека.

Нельзя обойти вниманием и умопомрачительную историю, связанную с коронацией эрцгерцога Мекленбургского, на которой его мантия, подбитая российским горностаем, осыпалась, как лиственница под осенним ветром. Белый мех покрыл снежным слоем весь паркет.

А невероятная история мистера Вана, главы гонконгской триады Белого можжевельника?

Об этом писали за рубежом, потому что жертвой ее стала известнейшая порномодель Запада Хуанита Маркина.

Мистер Ван заплатил ей за визит сорок тысяч долларов аванса.

Двести тысяч она должна была получить по истечении ночи любви.

Для этого был закуплен отель «Метрополитен», и если шестнадцатый этаж занимал лично мистер Ван и его гостя, то на остальных пили, гуляли и любили друг дружку его гости. И были среди них Мадонна, Майкл Джексон, Иосиф Кобзон, и обещал приехать, но не приехал Михаил Жванецкий.

Утром мистер Ван принял первую порцию снадобья из свежего рога недавно убитого суматранского носорога.

Вторую ампулу он раздавил, общаясь с друзьями.

– Сможешь? – спросил его Кеннет Ли.

– Я как зверь! – ответил мистер Ван.

И он так блеснул узкими глазами на свою будущую возлюбленную, что та ощутила желание бежать в постель немедленно, а не ждать приезда бывшего британского губернатора.

В двенадцать ноль-три она поднялась в королевские апартаменты. Музыку убавили, чтобы не беспокоила, трудился лишь большой барабан, задавая по просьбе мистера Вана нужный ему темп.

Через час двадцать минут двери апартаментов отворились и оттуда выскочила растрепанная, в расстегнутом халатике, усталая порномодель.

– Я больше не могу! – закричала она.

– Вот видишь, – сказал мистер Кеннет Ли мистеру Говарду Ли. – Он ее изнасил.

– Он меня изнасил! – кричала девица. – Сколько можно ждать, пока он совершит?

– Прошу немедленно арестовать и кинуть в подвалы китайского ЧК продавцов носорожьей приправы, – заявил Ван. – Они меня обманули, и я буду сурово мстить.

Когда охранники возмущенного мистера Вана добрались до магазина доктора Чжоу Ли, их глазам предстало страшное зрелище: толпа возмущенных мужчин уничтожала содержимое магазина, уже охваченного трепещущим пламенем. Сам доктор, кастрированный и истекающий кровью, был распят над вывеской, гласившей в нескольких каллиграфически исполненных иероглифах: «Сила и молодость настоящего мужчины».

Оказалось, что все без исключения мужчины, которые пользовались настойкой из рога суматранского носорога, полностью лишились потенции.

– Каковы наши достижения? – спросил профессор Минц, окидывая своих соратников орлиным взором.

За прошедший год соратники изменились. Помолодели, похудели, поздоровели. Немало стран пришлось им проехать, немало дорог перейти.

Главное – следы их деятельности были очевидны.

– Докладывай ты первый, Корнелий, – попросил Лев Христофорович.

Бронзовый, стройный, забывший о пузе Корнелий Иванович начал так:

– На той неделе чуть не попался. В заповеднике Черенгети на склонах Килиманджаро у водопоя травил...

– Ой, Корнелий, ну как ты выражаешься! – возмутился провизор Савич. – Можно подумать, что ты и в самом деле чем-то ужасным занимался.

– С точки зрения закона, – заметил Саша Грубин, – Удалов стал международным преступником, и его должен разыскивать Интерпол.

Все засмеялись, пуще всех сам Удалов.

Хотя именно в те минуты в штаб-квартире Интерпола в Брюсселе началось совещание по делу «Зеленый шум», как условно называлась операция против загадочной банды, что орудовала в разных странах, подрывая важные отрасли про-

мышленности и досуга, нанося колоссальный ущерб меховому бизнесу, китобоям, охотникам и рыболовам. На совещании впервые появился седой моложавый полковник из русского ФСБ, подтянутый, строгий, в контактных линзах бирюзового цвета, что придавало его лицу странный ангельский оттенок. А звали его Кимом. Господин Ким. И ни слова больше. А еще лучше – полковник Ким.

Ему и слово.

– Под видом дагестанского браконьера, – сообщил полковник, – я проник в банду Исмаилова, который держит осетровый промысел на Каспии. Именно его банда ответственна за взрыв дома пограничников в поселке Приморский, именно его люди зверски расстреляли в открытом море сотрудников нашего управления, когда мы застали их за перегрузкой черной икры в танкер «Дербент», отправлявшийся в Иран.

– Как же, – заметил вице-маршал Роджерс-Джоунс, представлявший в организации Уэллс. – Нам известен этот негодяй. Именно его икра идет на питание Ирландской освободительной армии.

– Мы вышли в море, – продолжал русский полковник, – в темную августовскую ночь. Осетры послушно шли на приманку. Им тут же вспарывали животы. Если была икра – складывали в бочки, если икры не было – осетры отправлялись за борт.

– И они тонули? – удивился представитель Люксембурга и

задумал тут же кампанию по вылову дохлых осетров в Каспийском море.

Но его мечты одним ударом убил полковник Ким.

– Осетров подбирали рыбаки государственного предприятия «Дагрыба», которое контролируется племянником Исмаилова Гамлетом. Тут же их солили и везли в Москву. А в зашитых внутренностях находились автоматы для ваххабитов.

– Ну уж это слишком! – воскликнул генерал Андан Ашрафи, представляющий в Интерполе Таджикистан, небольшую страну в центре Азии. – Откуда в Москве ваххабиты! Вот у нас ваххабиты...

– Господа, господа! – остановил дискуссию заместитель председателя сессии, скромный французский генерал де Труа Катр. – Мы отвлеклись. Наша задача – восстановить пошатнувшийся экологический баланс. Планета в опасности. Полковник Ким, продолжайте!

Ким продолжил свою речь, а тем временем в Великом Гусляре Корнелий Удалов заканчивал свой отчет.

Эти два события происходили на расстоянии трех тысяч километров одно от другого, а на первый взгляд никак не были связаны.

Но с каждой секундой они сближались, ибо посвящены были одной и той же проблеме, только докладчики находились по разные стороны баррикад.

– Конечно, как вы понимаете, – продолжал Удалов, – во-

допой я травил без ущерба для животного мира. Меня интересовали редкие породы антилоп, которым угрожает исчезновение. Как я это сделал? На остановке автобуса я потерялся. Пошел в кусты как бы по нужде, и тут меня якобы похитил лев.

– Ну ты, Корнелий, даешь! – воскликнул Грубин. – Ну и шутишь.

– Я не шутил. Все происходило так на самом деле, если не считать льва. В три минуты я достиг водопоя и высыпал туда содержимое пакетов «С-К» и «ПОРСА-4».

– Ясно. – Минц сверился со списком химикалиев и пояснил вслух: – «С-К» вызывает неистребимую чесотку рук у каждого, кто попытается снять шкуру с антилопы, а «ПОРСА-4» делает шкуру крокодила такой мягкой, что из нее не только сумки не сделаешь, но даже паутины.

– Так и было, – сказал Удалов. – Но сразу с того места я не ушел. Я о чем подумал? Не всегда наши усилия успешны. Вот мы с вами знаем, что кожа крокодилов смягчает, мы уверены, что у браконьера чесотка начнется. Но ведь это происходит постфактум!

– Ах, Корнелий, – возразил Минц. – Мы не можем заранее заразить всех браконьеров чесоткой. Зато мы уверены, что в следующий раз они в лес не сунутся.

Удалов не согласился с Минцем:

– Все-таки мы много теряем. Может получиться, что суматранского носорога мы не спасем. Не успеем. Даже если

все китайцы станут импотентами.

– И что же ты предлагаешь? – В голосе Минца звучало раздражение. Не в первый раз они вели этот спор. И самое обидное – Удалов в нем постепенно побеждал. Хоть истребление животных замедлилось, но далеко не теми темпами, как хотелось.

– Предупреждение! Система предупреждения, вот что нам нужно. Браконьер должен быть заранее оповещен.

– А это значит, что заранее будет оповещена милиция. А она уж нас с тобой не пощадит.

– Пока она приподнимет зад, – ответил Удалов, – экологическая обстановка на планете изменится, и редкие звери будут спасены все как один.

Удалов глубоко заблуждался, о чем можно судить по выступлению полковника ФСБ из Российской Федерации. Мы с вами застаем его в тот момент, когда он говорит следующее:

– Я обратил внимание на одного российского путешественника. Назовем его туристом. Человек он, как выяснилось, некрупных доходов, накоплений, помимо пенсии, у него мало. Раньше он был у нас на контроле, так как без санкции органов выходил на контакты с инопланетными цивилизациями. Однако, когда мы доложили на самый верх, нам было приказано этого человека не трогать, так как КПСС и правительство планировали выход на межгалактическую арену с запуском ряда космических станций и превращение Галактики в большой лагерь социализма.

– Не может быть! – ахнул представитель Андорры, единственный в той стране подполковник.

– Может, – жестко ответил представитель Польши. – Еще как может.

– К счастью, большевикам не удалось выйти на галактические контакты. Именно этого человека, назовем его Корнелием Удаловым, нашей организации удалось засечь за странным занятием. Неожиданно для всех, включая собственную семью, он ударился в морские круизы и сухопутные туры. Это было похоже... как если бы мать шестерых детей вышла на панель, ничего не сказав мужу.

В зале раздались редкие смешки. Они катились от кресла к креслу по мере того, как синхронные переводчики справлялись с переводом этой незамысловатой шутки.

– Именно этот субъект был замечен и в районе города Ханты-Мансийск, – продолжал полковник Ким.

Участники совещания принялись жать на кнопки своих ноутбуков, чтобы понять, в какой Африке скрывается этот Ханты-Мансийск. Нашли и подивились тому, как близко к полюсу забираются люди, не будучи чукчами и эскимосами.

– Он рассыпал на гнездовьях гусей порошок, который делал их мясо совершенно несъедобным. В результате все гуси в заповеднике приобрели это качество.

– А почему в заповеднике? Ведь их там никто не посмел бы есть, – задумчиво произнес англичанин.

– Именно в заповеднике легче всего работать браконье-

ру, – объяснил глупому англичанину полковник Ким. – К тому же за пределами заповедников их давно уже истребили.

– И что же случилось?

– Гусей перебили, отвезли в Ханты-Мансийск, а переварить их никто не смог. Произошло массовое отравление горожан. Браконьеры погибли.

– Может быть, птиц лучше охранять? – спросил представитель Андорры. – Тогда бы никто не отравился, а гуси несли бы яйца.

– Вы не знаете российской специфики, – сухо заметил полковник Ким. – У нас проблемы.

– Продолжайте, коллега, – поторопил Кима председатель.

– Человек, который сыпал порошки в Ханты-Мансийске, и тот тип, который попался мне на глаза в заповеднике Черенгети, где он отравлял водопой, – тот же самый Корнелий Удалов. Двадцать лет назад мы его пожалели и пощадили. Но сегодня будем беспощадны. Он губит нашу родную Землю. Я кончил, потому что меня душат слезы.

Ким уселся на свое место и прикрыл глаза ладонью, из-под которой стал оглядывать зал беспощадным соколиным взором.

В зале поднялся шум. Говорили разное. Но в конце концов сошлись в одном: почему до сих пор служба безопасности Российской Федерации не арестовала и не допросила такого страшного преступника?

– Очень просто, – ответил Ким, не поднимаясь с места. –

Мы ищем его сообщников. Не верю я, что некий пенсионер из северного городка один ездит по Земному шару и занимается террором. Нет, за его спиной стоит беспощадная организация. Вот до ее сердца мы намерены добраться и задуть беспощадно!

– И где же, вы думаете, таится это сердце? – спросил вице-маршал авиации.

– Думаю, что в Великом Гусларе.

И тогда все участники совещания принялись жать кнопки на ноутбуках, чтобы отыскать город Великий Гуслар, но далеко не всем это удалось. В отличие от Ханты-Мансийска Великий Гуслар известен больше в литературе и искусстве, чем в географии.

И тогда самый важный вопрос задала госпожа Моника Эстергази, представляющая Венгрию:

– Но зачем, зачем ему это понадобилось?

Ким пришел в себя и ответил:

– Все не так просто. Есть и другие примеры. Я могу поведать страшную историю о том, как амбра, полученная из кашалотов Тихого океана, издавала такой запах, что парфюмерная промышленность Франции уже полгода не может прийти в себя. В Париже вынуждены были пойти на беспрецедентный шаг – закупить в Российской Федерации несколько сот ящиков духов «Красная Москва», при изготовлении которых никакая амбра не употребляется. Только попробуйте выйти вечером на Елисейские Поля. Только попробуйте!

– Десятки, сотни примеров! – поддержал Кима председатель собрания. – И далеко не сразу мы поняли, чьих это рук дело. Но постепенно нам становилось ясно: отчаянная банда уничтожает то ценное, дорогое, что радует глаза, слух и зрение элиты нашего общества. Даже черная икра Каспийского моря превратилась в мазут на второй день после вылова! Бои, которые возникли между рыбаками Исмаилова и переработчиками, были так ужасны, что осетры на ближайшие недели могут чувствовать себя в безопасности.

– Но зачем, зачем? – повторила венгерка.

– Я отвечу, – сказал председатель, человек умудренный и близкий поэтому к пенсии. – За этим заговором стоят заготовители синтетического меха.

– Я рад бы согласиться с вами, коллега, – возразил вице-маршал, – но как быть с рогом суматранского носорога?

– Фармацевтические фирмы! – воскликнула Моника Эстергази. – Это так очевидно!

– Проклятая «виагра», – поддержал ее испанец. – Кому помогает, а кому наоборот. Как я понимаю китайцев!

В этот момент загорелись экраны всех компьютеров.

«Срочное сообщение по секретной сети!»

«В Конго поймана горная горилла в бронежилете!»

– Это они? – спросил андоррец.

– Чувствую, что они, – ответил полковник Ким. – И попытаюсь найти ответ на этот вопрос...

– Ответом на твои сомнения, Удалов, станет отчет Миши Стендаля, – сказал профессор Минц. – И ты поймешь, что мы не только отвращаем от жертв, но и защищаем их при жизни. Говори, Михаил!

Миша Стендаль, хоть и перевалил за половину жизни, хоть и поредели его седеющие кудри, остался именно худеньким Мишей. И видно, суждено ему будет остаться щенком до старости.

Загорелый Миша поднялся, опираясь на туземное копьё.

– Простите, – сказал он, – еще не зажили раны.

Все деликатно промолчали. Захочет человек объяснить, что за раны – его воля.

– На восьмой день в дебрях тропического леса мне удалось выйти на небольшое стадо горных горилл. Носильщики, которые несли бронежилеты для несчастных животных, отказались идти дальше, и я был обречен на провал, если бы не сами гориллы. Когда я проснулся дождливым туманным утром, один в палатке, без еды, денег и паспорта, я услышал сдержанное бормотание. Гориллы обыскивали багаж моей экспедиции. Когда я вышел из палатки, они не испугались и не убежали, а приветствовали меня ударами кулаков по груди. Тогда я вынул из ящика бронежилет и сказал: «Это вас спасет». Обезьяны поняли меня не сразу. Пришлось надеть

бронежилет и показать, как им пользоваться. Тогда со сдержанным криком радости гориллы разобрали бронежилеты и даже вывели меня потом на тропу, чтобы я мог вернуться к людям. По договоренности с Большим вожаком стаи мы должны доставить туда еще шестьдесят бронежилетов по окончании сезона дождей.

Все захлопали в ладоши. Стендаль выполнил задание.

– Разумеется, возникнут проблемы, – сказал профессор Минц, – с закупкой бронежилетов, но мы постараемся...

Корнелий Удалов смотрел на друга недоверчиво. Никогда профессор Минц не был богат. А уж чтобы распоряжаться сотнями тысяч долларов – об этом и мечтать не приходилось. А тут – командировки, поездки, не говоря уж о бронежилетах.

– А теперь давайте поговорим, – сказал Минц, – о ближайших поездках. Во всей Америке осталось лишь несколько королевских кондоров. Не пройдет и десятилетия, как символ Америки, изображенный на ее гербе, канет в небытие! Появилась возможность замаскировать оставшихся кондоров под крупных ворон. Кто этим займется?

Вызвался провизор Савич. Он давно уж собирался в Штаты, да мешало безденежье.

– Следующая проблема касается речной выдры в озерах Швеции...

Удалов поднялся и вышел на улицу.

Он страшно устал за последние месяцы. Но, как говорит

Минц, рано еще складывать оружие, потому что реальные результаты борьбы скажутся лишь через год-два, тогда и подсчитаем достижения. Если так дело пойдет и дальше, то его, Удалова, на этот срок не хватит. Пора подключать молодежь.

И в этот момент он услышал гул моторов.

Гул все усиливался, а потом появились вертолеты. Один пассажирский и два боевых, сопровождающих.

Пассажирский опустилсЯ посреди двора и сломал столь любимый Удаловым сиреневый куст.

«Акулы» остались барражировать на высоте пятидесяти метров, готовые в любой момент прийти на помощь.

Открылся люк, офицер в неизвестной униформе выбросил наружу лесенку. По ней не спеша спустились разного рода господа, большинство в штатском, но с военной выправкой.

Человек в наиболее пышной и яркой униформе, подполковник из Андорры, родившийся некогда в Одессе, первым подошел к Удалову и спросил:

– Не откажите в любезности, молодой человек, сказать, где здесь находится квартира профессора Минца?

– А зачем он вам?

– А затем, – сказал подтянутый, мрачного вида человек с бирюзовыми глазами, по всему судя, наш, отечественный, чекист, – что мы должны арестовать его от имени Интерпола за подрывную деятельность против человечества.

– Вот это лишнее, – отозвался Удалов. – Не знаете о гу-

манизме нашего профессора, не лезьте.

– Кстати, – произнес подполковник из Андорры, – случай-но, не вас ли мы видели на снятых секретно фильмах...

– Меня, меня, – не дал ему договорить Удалов. Он пони-мал, что лучше самому принять залп, подставить свою грудь, только бы оставался на свободе профессор Минц, без кото-рого благородное начинание тут же лопнет.

Но наш чекист уже поспешил к двери дома № 16.

Остальные толпой побежали за ним.

Боевые вертолеты опустились пониже, и дульца их пуле-метов следили за Удаловым, который на всякий случай не вынимал рук из карманов.

В кабинете профессора Минца сотрудники Интерпола по-ставили участников совещания к стене, а тем временем на-чался обыск, который ничего не дал, потому что все доку-менты хранились в голове у Льва Христофоровича.

– Что вам хочется узнать? – спросил профессор Минц. – Никаких секретов мы от общественности не имеем, никому зла не желаем.

– Так ли это? – спросил полковник Ким.

Беседа шла на английском языке, которым все, кроме Уда-лова, владели. Впрочем, Удалова в комнате пока не было. Он гулял под прицелом боевых вертолетов.

– Зачем же вы тогда сменили потенцию на импотенцию в роге суматранского носорога, ободрали горностаев, раздали бронежилеты гориллам, отравили мясо китов и совершили

еще немало подобных преступлений?

– Если вы позволите мне сесть, – ответил профессор Минц, – то я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Вы тоже можете садиться, только сидячих мест на всех не хватит.

В его голосе была такая внутренняя сила, такая убежденность в своей правоте, что посетители покорно расселись, кто как мог.

– Мне надоело видеть, – сказал Минц, – как погибает наша природа.

– Экология плохая, – заметил прибежавший на шум старик Ложкин, который еще не решил, то ли присоединиться к Минцу, то ли откреститься от него с суровой критикой.

– И мы, в основном немолодые и законопослушные люди, решили, что если не остановить этот злодейский процесс, то на Земле никого не останется, кроме крыс, ворон и людей. А это скучно, не так ли?

Вице-маршал авиации вздохнул и понурился. Он не хотел оставаться в обществе ворон и крыс, не говоря уж о себе подобных.

– Мне пришла в голову светлая идея, – сказал Минц. – А что, если лишить исчезающих несчастных тварей тех качеств, из-за которых на них охотятся? Суматранский носорог гарантирует сексуальную силу – лишим его рог этого свойства! Редкие киты – лакомство, перелетные гуси – объедение! Пускай они станут невкусными и даже вредными!

Ведь самим-то животным плевать на то, вкусные они или нет. Ведь вам, девушка, не столь важно, сладкая ли вы на вкус для людоеда?

Моника Эстергази хлопнулась в обморок. У нее было живое воображение, и ей представилось, как ее кушают.

– Невероятно! – заявил председатель. – Я не верю! И при чем тут шкурки горностаев?

– Как только газеты и телевидение разнесут слух о том, что мех горностаев так непрочен, что мантия облысела за несколько минут, желающих пристрелить горностаю убавится.

– А бронежилеты для горилл? – спросил испанец. – Ведь их никто не ест.

– Но убивают. Еще не перевелись горе-туристы и просто бандиты. Пускай у горилл будет возможность защититься.

– Кстати, – добавил Александр Грубин, – мы тут разработали систему защиты для шимпанзе. Хотим раздать им газовые пистолеты...

– Или огнеметы, – заметил Савич.

– Вы с ума сошли! Вы тоже арестованы! – крикнул вице-маршал.

– Я? – удивился Савич. – Арестован? Вы не скажете, за что?

– Разумеется! За превышение пределов необходимой обороны животного мира.

– Попрошу пригласить адвоката, – сказал Савич. – И

немедленно. Пока вы не докажете, что я в корыстных целях нанес вред человечеству, я останусь на свободе и буду бороться. К тому же учтите, что наша беседа транслируется на весь мир с помощью экологических организаций и партий «зеленых». Только попробуйте меня арестовать...

Председатель удивленно обернулся к полковнику Киму. Все же этот конфликт происходил на территории его ведомства.

Ким был в растерянности.

– Даже и не знаю... – вздохнул он. – Может быть, мы немного погодим и наладим над этими общественниками постоянное наблюдение? Будем собирать факты и контролировать их деятельность.

– А что! Неплохая мысль! – обрадовался председатель. Как любой руководитель, он всегда предпочитал, чтобы ответственность взял на себя кто-то другой. – Но учтите, коллеги, что вам придется этим заняться вплотную. Вот именно – вплотную!

Полковник Ким покорно опустил лысеющую голову со слишком прямым пробором, что выдавало его скрытое тщеславие – по утрам он проводил полчаса с расческой в руке, чтобы добиться геометрической точности пробора.

Уходя, председатель поманил Кима в коридор и там жестко и требовательно произнес:

– Не спускать глаз! Я им еще не до конца поверил! В случае чего – спросим с вас строжайшим образом!

Сначала улетели на большом вертолете в сопровождении «акул» члены коллегии Интерпола.

Затем Корнелий Удалов вернулся в кабинет к Минцу.

Минц был задумчив.

Корнелий подумал, что причиной задумчивости был полковник ФСБ в штатском, что сидел на диване в углу кабинета и молчал.

При полковнике заседать не было возможности.

Так что постепенно все участники операции «Зеленый шум» разошлись по домам, чтобы собраться завтра поутру.

Последним уходил Удалов.

Минц вышел его проводить.

– Лев Христофорович, – попросил его на прощание Корнелий Иванович, – главное, не выдавай ему источников финансирования. Они об этом знать не должны.

– Я постараюсь, Корнелий, – сказал Минц.

Он знал, что Удалов не имеет представления о финансировании грандиозной операции.

Дверь за Удаловым закрылась.

– Чем он так обеспокоен? – сверкнул бирюзовыми глазами полковник.

– Беспокоится, откуда у меня деньги на спасение фауны.

– Ох и копает твой Удалов! Может, ликвидировать его?

– Ким Никитич! – возмутился Минц. Даже лысина вспотела. – Попрошу не лезть в наши дела!

– Кто платит, – ответил полковник, – тот и заказывает музыку.

– Но ведь я к вам не обращался. Вы сами предложили!

– Без наших денег ваша глупая затея рухнула бы в первый день, – сказал полковник.

– Вы оказались первыми...

– У нас всюду свои люди. И неглупые люди. Они знали, куда доложить, а мы, наверху, знали, что перспективно. Вот и выиграл в нас свойственный чекистам гуманизм.

– Мы не беспризорники, – сказал Минц. – А вы не Макаренко! Если наша программа по спасению фауны закроется, вы первый вылетите с работы. Я вам это гарантирую.

Наглый полковник несколько сбавил обороты.

– Мы оба, – сказал он, – заинтересованы, чтобы все осталось шито-крыто. Вы думаете, вас друзья погладят по головке, если узнают, на чьи деньги вы спасаете своих носорогов?

– На народные!

– Без демагогии, профессор! Эти деньги народ отдал нам, его защитникам.

– А вы их пожертвовали нам, чтобы с нашей помощью проникнуть в чужие страны. Чтобы прикрепить микрофоны к китам-полосатикам, американским кондорам, суматранским носорогам и даже герцогу Мекленбургскому. Вам нужно было залезть в швейцарскую форель, пометить фран-

цузских соловьев и тайских певчих сверчков!

– Вы возражаете?

– Я не возражаю, – сказал Минц, – до тех пор, пока вы не мешаете нам спасти редких животных! Я хочу, чтобы гориллы отстреливались, а носороги совокуплялись. А вы подслушивайте, только Удалова не трогайте!

– Ну и рискуете же вы, профессор, – вздохнул полковник.

– Лучше скажите, как вы проникли в Интерпол? – спросил Минц.

– Как только мы узнали, что Интерпол вами заинтересовался, мы сразу стали добиваться, чтобы меня включили в коллегия, а потом подвели этих чинуш к мысли о том, чтобы наблюдение за вами поручили именно мне. Так что пока спасайте, выручайте своих носорогов. Сколько вам нужно на текущий квартал?

– Вот вам список, – ответил Минц.

Бывает же так – все есть, и деньги, и помощники, а на сердце неладно...

Полковник пробежал глазами список и сказал:

– Впишите еще пингвинов, акул и чего-нибудь глубоко-водного.

– Почему? – удивился Минц. – Мы не планировали пингвинов.

– А я планировал, – сказал полковник Ким. – Мне нужно, чтобы вы получили у нас в кассе три миллиона долларов. Из них на руки два с половиной.

Минц тоже был не промах.

– Тогда я пишу заявку на три с половиной миллиона!

– Ох, уж и не знаю, удастся ли мне вам помочь!

– Постарайтесь.

Они мне дадут три миллиона, думал Минц. Из них два с половиной я кину на продолжение операции «Зеленый шум», а на полмиллиона построим новое здание для городской библиотеки.

Полковник Ким в то же время думал так: дадут не больше трех миллионов, из них я профессору отдам два с половиной, двести тысяч – генералу Петрову, а триста... триста придется перевести на мой английский счет, скоро Ваське в Оксфорд поступать, декану придется сто тысяч фунтов на лапу дать, не говоря уж о попечителях. Ну ничего, образование важнее.

Корнелий Удалов устраивался на ночь и думал: если я отстегну от пенсии рублей сто, заметит Ксения или не заметит? Но не отстегнуть нельзя. Ведь Лев Христофорович каждую копейку считает, недоедает, только бы спасти горилл и носорогов...

Вскоре все они заснули.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Природа мудро распорядилась отношениями между различными существами на Земле. Она позволяет получать потомство от различных пород собак или людей. Но вот уже осла с лошадыю скрестить полноценно не удастся, потому что получается бесплодное создание мул. А кошку с собакой вам никогда не скрестить. Впрочем, это и к лучшему. Представляете себе помесь бульдога и нашей Машки? Нет, лучше не представлять – спать не будете. А если наш дворовый Васька полюбит афганскую борзую?

Так что есть закон. Внутри вида скрещиваться можно, а за его пределами – ни-ни!

И если тебе удалось с кем-то скреститься и от этого возникли дети, значит, вы с вашей возлюбленной относитесь к одному и тому же виду.

Поэтому я бы отнес к области слухов и сплетен историю, случившуюся на острове Крит больше трех тысяч лет назад. Якобы тамошняя царица полюбила белого жертвенного быка, но не духовно, а вполне плотики. То есть возжелала. Но никак она не могла войти с быком в сексуальный контакт – анатомия не позволяла. Она обратилась к изобретателю Дедалу, который скрывался на Крите, изгнанный из Афин за нехорошие дела. Тот проблему позы решил элементарно. Сколотил из дерева корову, обтянул каркас шкурой, а внутри

соорудил ложе, на которое царица встала как собачка. Бык увлекся деревянной коровой, оседлал ее, и царице тоже досталось. Родился Минотавр – мальчонка с головой теленка. И почему-то хищник.

Я уверяю со всей ответственностью, что ничего подобного произойти не могло, потому что подавляющее большинство ученых относят быков и женщин к разным видам и даже отрядам млекопитающих. И если Минотавр все же получился, значит, его матерью была настоящая корова. А если он достоверно родился у царицы, значит, его папой был царь Минос или кто-то из охраны.

Так что, прежде чем начать рассказ, я хочу повторить: потомство может получиться только от особей, относящихся к одному и тому же виду. Люди и русалки – две породы одного вида. Вывод ясен.

* * *

Все началось с обычного несчастья.

Снова прорвало очистные сооружения фабрики акварельных красок имени XIII партсъезда. Видно, их не ремонтировали со дня того самого партсъезда.

Река Гусь пошла цветными полосами, и от нее начало дурно пахнуть. Сотни рыб поплыли по ней брюхом вверх. Среди них плыла трехметровая щука, которую даже Иван Грозный поймать не сумел. А к берегу прибило русалку. Русалка

чуть шевелила жабрами, которые у русалок располагаются за ушами, и почти не дышала.

Мальчишки, которые бежали из школы в противогазах, увидели почти подохшую русалку, немного покидали в нее камнями, а потом пошли домой. Но тут встретили профессора Минца, который шел гулять на набережную.

– Дядя, дядя! – закричали они. – Наши сети притащили мертвеца.

Профессор Минц не понял детской шутки, побежал к берегу и увидел русалку на последнем издыхании.

Профессор хотел было вызвать «Скорую», чтобы девушку, в которой он не сразу угадал речную жительницу, отвезли в больницу, но на его крики о помощи, разумеется, никто не отозвался, и поэтому профессору пришлось взвалить русалку на плечо и потащить наверх.

К счастью, русалка была некрупной и легкой.

Наверху запыхавшегося Минца встретил его друг Корнелий Удалов.

Он стоял над откосом и с горечью наблюдал экологическую катастрофу.

Зрение Удалова в последнее время стало его подводить, и потому он крикнул Минцу:

– Брось рыбу! Нельзя ее жарить! Она химически отравлена.

– Лучше бы помог, – отозвался Минц.

Удалов понял свою ошибку и помог Минцу поднять ру-

салку на откос, а там положить на лавочку.

На набережной было пустынно, потому что от реки сильно воняло.

– А я думал, сом, – признался Удалов.

– Нет, туристка, – отозвался Лев Христофорович.

– Если туристка, почему голая? – спросил Удалов.

Минц только что сообразил, что волочил наверх голую девушку.

– Какой ужас! – сказал он.

– И волосы зеленоватого оттенка, – сказал Удалов, который неплохо разбирается в экологии. – И жабры за ушами.

Минц принялся снимать пиджак, чтобы накрыть тело.

– Ты еще не догадался? – спросил Корнелий.

– О чем я должен догадаться?

– Ты русалку вытащил.

– Не может быть!

– И что же ты намерен с ней дальше делать?

– В больницу, – сказал Минц, – девушке плохо.

– Не возьмут ее в больницу, – сказал Удалов.

– Но она же может погибнуть!

– Нет у нас ветеринарной лечебницы в городе. Ты же знаешь!

Из этого следует, что Удалов рассматривал русалок как некий вид пресноводных животных. Но, будучи человеком отзывчивым и добрым, он добавил:

– Давай ее домой отнесем, пускай в ванной полежит до

окончания экологического бедствия.

Минц тоже понимал, что времени терять нельзя.

Они подхватили обнаженную девушку за плечи и ноги и понесли по Пушкинской улице к своему дому.

Прохожих было немного, а те, которые попадались, понимали, что Минц с Удаловым спасли купальщицу и лучше им не мешать. Спасут – считай, что купальщице повезло, а по-мрет – меня здесь не было.

Нести было тяжело.

Минц с трудом произнес:

– А я думал, что их больше не водится.

– Редко, – ответил Удалов, – туда, к Архангельску, еще попадают. А в наши края только случайно заплывают, к озеру Копенгаген.

Тут, к счастью для Минца, который совсем запыхался, русалка открыла зеленые с поволокой туманные глаза и сказала низким голосом:

– Пить! Чистой воды!

– Какое счастье! Она оживает, – сказал Минц. Он боялся, что девушка не переживет этого приключения, а он себе никогда такого не простит.

– А ты идти можешь? – спросил Удалов. – Ножками идти сможешь?

– Я задыхаюсь, – ответила русалка.

– Тут всего сто метров идти, – сказал Удалов. – Потерпи, будь другом.

– Нет, – капризно ответила русалка, – лучше я умру.

Удалов отпустил ноги русалки, но она не хотела идти, поэтому обняла Минца за шею и громко прошептала:

– Дядечка, не оставляйте меня на верную погибель!

– Не бойтесь, – сказал Минц, стараясь не смотреть на высокую и обнаженную девичью грудь. – Мы вас не покинем.

– Я пошел, – сказал Удалов. – Хочешь купаться, дойдешь!

Минц попытался нести русалку один, но к тому времени он уже так выбился из сил, что не смог сделать и трех шагов.

Навстречу им шла старуха Ложкина, блюстительница нравов.

– Вот до чего ваша демократия довела! – завопила старуха. – Развратник на развратнике едет и развратником потакает.

– Не знаете, молчали бы, – огрызнулся Удалов, но он понял, что встреча с Ложкиной может оказаться для него роковой.

Он оставил Минца с русалкой, которая покорно, хоть и неуверенно, шагала к дому № 16, а сам поспешил домой, прежде чем слухи о том, что он гуляет по улице с голой девочкой, достигнут ушей супруги.

А Минц, никого более не встретив, провел девушку к себе в квартиру, где она сразу же отыскала ванну и уселась в нее, ожидая, пока Минц откроет кран. Затем она принялась командовать, какой должна быть температура воды, прохладной, но не ледяной, причем ей не нравилось, как горела и

шумела газовая колонка.

Наконец воды стало достаточно, чтобы покрыть тело русалки, и ей сразу стало лучше. Но Минца она не отпускала, и его попытки накрыть ее тело простыней или купить для нее купальник были встречены вспышкой негодования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.